

Женская дружба или дневник лучшей подруги

Анастасия Фишер (Вид)

23 июля

Я решила отпраздновать свой день рождения на даче. Казалось бы, праздник вполне удался: был прекрасный солнечный денёк, меня окружали друзья, куча подарков и сюрпризов беспрерывно росла, веселье и смех не прекращались ни на минуту, и всё-таки мне чего-то не хватало, я чего-то ждала, а чем ниже садилось солнце, тем тоскливее становилось у меня на душе. Конечно, для каждого пожелания и каждой шутки моих гостей была уготовлена вежливая улыбка, но даже если бы я сплясала на праздничном столе, Женька заметил бы моё плохое настроение.

Когда на крышах дачных домов лежали последние красноватые лучи заходящего солнца, Женька молча взял меня за руку, и мне не оставалось ничего другого, как пойти за ним. Мы оставили гостей так неожиданно и быстро, что наше исчезновение даже не нарушило правил этикета. Женька вел меня мимо заборов, многие из которых, казалось, вот-вот рухнут на дорогу, не выдержав тяжести навалившихся на них ветвей яблоневых деревьев и облепихи. Я ничего не спрашивала у своего проводника, и, кроме того, была благодарна ему за взаимное молчание. Цветущие вдоль заборов розы, георгины, астры и солнечные бархатцы завораживали обилием оттенков и опьяняли своим дурманящим ароматом. Не хотелось ни говорить, ни думать. Только дышать, видеть и чувствовать...

Дачи закончились, и узкая тропа остановилась у обрыва. Внизу простиралась долина, на территории которой сохранилось несколько построек. Говорили, раньше здесь была большая немецкая деревня, но теперь эта зеленая площадь с несколькими развалинами была залита солнечным прощальным светом и представляла собой что-то сказочное. Сейчас сверху можно было рассмотреть каждую травинку и каждую трещину старой деревянной лестницы, лежащей около одного из развалившихся домов; останки деревни, словно сломанные игрушки, были разбросаны по земле. В трех шагах от обрыва росла старая, но все еще красивая сосна, к ее подножию Женька бросил свою ветровку. Этот жест был для меня хорошо знаком, и каждый раз вызывал какое-то приятное, трепетное чувство. Мой любимый сел под сосной, и, с нескрываемым удовольствием зажег дорогую сигарету. Любой, кто увидел бы, как он затянулся, сразу бы понял: Женька сегодня шикает. Он курил, а я следила, как солнечный свет полз все ближе и ближе к горизонту. Вот, он зацепился

за последнюю ступеньку старого крыльца, оторвался и едва заметно пополз дальше...

– Сань? - тихо позвал Женька и, затушив сигару, посмотрел на меня.

-Почему она не приехала? – это вырвалось у меня внезапно, само. И только сейчас я осознала, что мешало мне беззаботно веселиться с гостями.

-Ты все еще ждешь свою Аську? – он щелчком отправил окурок в обрыв и лег на спину.

Она обещала приехать. А это значит, случилось что-то плохое. Аська всегда выполняла обещания.

-Почему обязательно плохое? Может, наоборот, хорошее, а ты забиваешь себе голову, вместо того, чтобы наслаждаться праздником и моим присутствием. – Женька улыбнулся своим мыслям и, поймав меня за руку, ласково потянул к себе. – Ну, хватит. Перестань о ней думать.

-Но это не выходит у меня из головы!- я одновременно разозлилась на себя и на Аську. - Лучшая подруга называется!

-Сейчас мы будем лечить твою голову. – с нежностью проговорил Женька и потянул меня к себе более настойчиво. Я сдалась, и он деликатно, но очень быстро подмял меня под себя. Его губы были в сантиметре от моих и я не успела ничего возразить, когда он начал нежно и многообещающе меня целовать. Не смотря на моё скверное настроение, это было чертовски приятно, но всё-таки (сама не знаю, зачем?) я оттолкнула его от себя и поднялась:

– Давай вернемся на дачу.– зная вспыльчивый характер Женьки, я старалась говорить как можно мягче.– Все-таки это нехорошо – оставлять гостей одних. Выражение женькиного лица моментально изменилось – огонек в глазах погас, как только в воздухе прозвучало мое вполне моральное предложение.

– Какая же ты у меня стерва! - искренне пожалел он себя. -Тебе же наплевать на гостей.– он попал в самую точку.– Ты прекрасно знаешь, что они неплохо веселятся и без нас. А если твоя подруга не приехала до вечера, то вряд ли появится на ночь глядя!

– Ты повышаешь голос.–предупредила я.– И грубишь.

- А , по-твоему, для этого нет причин?– Женька всё еще сидел на земле и потому смотрел на меня снизу вверх.– Ты не похожа сама на себя.

- Хорошо, я не буду больше такой.– пообещала я без всякого энтузиазма.

- Ну да, я вижу...,– буркнул Женька и, выдержав недолгую паузу, примирительным тоном предложил:– Давай, ты присядешь, и мы поговорим про твою Аську. Может

быть, я пойму, почему ты ее так ждешь.

-Потому что это моя лучшая подруга, и мы не виделись сто лет. И она обещала приехать. Она всегда, понимаешь, всегда сдерживала свои обещания.— я замолчала, вспомнив бледное, невыразительное лицо Аськи и ее удивительно обаятельную улыбку — словно украденную с чужого лица. Вспомнила нашу последнюю встречу: Я провожала подругу на вокзал. Она уезжала к своей больной бабке в какую-то забытую богом деревню. И, вместо того, чтобы расстраиваться, что потеряет несколько месяцев, а то и год молодости на работу сиделкой, она радовалась предстоящей встрече с девяностолетней старухой.

Мои воспоминания прервал голос Женьки:

- Но в жизни случаются разные обстоятельства...

Я посмотрела в сторону дороги и снова повернулась к нему:

— Вот об этих обстоятельствах мне и хотелось бы знать. Пойдем, пожалуйста, вдруг она позвонит, а я телефон оставила на даче.

Женька, разочарованный, поднялся и, закинув на плечо ветровку, пошел за мной.

Приближаясь к даче, мы слышали голоса и смех. Действительно, мои гости не скучали: они уже разожгли чудесный костер, и на фоне сумеречного неба струйки дыма казались синими. Нас встретили фейерверком шампанского и, что я всегда ценила в своих друзьях, лишних вопросов никто не задавал.

Кому-то вскружило голову не то шампанское, не то свежий воздух, и поступило предложение прыгать через костер. Я хотела уже его одобрить, когда скрип калитки заставил меня обернуться.

— Привет, Сашуля! С днем рождения! - со спокойной, но счастливой улыбкой произнесла моя Аська и просто протянула мне небольшую коробку. Не смотря на сгущающиеся сумерки, я успела заметить, что коробка оклеена цветной подарочной бумагой и перевязана золотой лентой, но я даже не прикоснулась к подарку. Я стремительно бросилась к Аське и заключила её в объятия. Кто-то догадался освободить Аську от коробки. Мы разжимали руки, чтобы посмотреть друг на друга и снова говорили друг другу на ухо: она — комплименты и пожелания, я — слова радости и несерьезные упреки. Я повела Аську в круг и только тут заметила, что она не одна. С ней был какой-то парень, в темноте я его не рассмотрела.

— Ты не одна?— удивилась я, и, с любопытством оглядывая силуэт незнакомца,

продолжала:— тогда знакомь.

Аська улыбнулась, и при свете костра я все увидела и поняла: она ужасно похорошела за тот год, пока мы не виделись. Нет, она не просто похорошела, она стала хорошенькой, чего раньше о ней никто сказать не мог. И еще: в каждом ее жесте и движении мелькала та женская обаятельность, какая всегда была и осталась в ее улыбке. Неужели Аська встретила свое счастье? Какое там неужели? Моё подозрение моментально превратилось в убеждение.

Я представила Аську друзьям. Парень тоже подошел к костру и поприветствовал всех собравшихся.

- Ян.— коротко представился спутник моей подруги, протягивая удивительно горячую руку мне первой.

- Интересное у Вас имя. - призналась я и представилась в свою очередь: Александра.

- Может, всё-таки на «ты»? - он вполне открыто улыбнулся и только в этот момент перестал казаться мне призраком.

- Да, конечно. - согласилась я, с интересом рассматривая аськиного избранника, в то время, как он уже пожимал руки моим друзьям. Он был довольно высоким и в меру широкоплечим. В его движениях была какая-то небрежность и уверенность одновременно. Я не могла не отметить, что он обладал довольно яркой внешностью. Черт возьми, да он был просто красавец! Вот это как раз и было его главным недостатком. Как только я это заметила, я тут же почувствовала к нему неприязнь. Позже я поняла, что в тот самый момент была плохой подругой: я не поверила, что такой красавчик может искренне любить Аську. Он мог, на мой взгляд, только сделать ее несчастной. И если уж я начала откровенно рассказывать о своих жестоких выводах, то скажу до конца: Аська рядом с ним была просто дурнушкой. У нее были белые волосы, белые ресницы и светло-серые глаза, к тому же, она никогда не красилась. Она казалась маленьким, беззащитным цыпленком — такая хрупкая и тихая. Ян же смотрел на всех уверенным взглядом, без тени смущения вступал в разговор с незнакомыми людьми, привычным движением откидывал назад свои русые волосы и смеялся рекламным заразительным смехом. Он постоянно брал Аську за руку и называл не иначе как «Асенькой». Через несколько минут я поймала себя на желании подойти и оттолкнуть его от подруги. Что это? Ревность? Мне казался очевидной ошибкой этот преданный, нежный взгляд, с каким Аська смотрела на этого красавчика. Да она просто ловила каждое его слово! Внезапно я увидела, что Женька наблюдает за мной и, что хуже того, похоже, понимает, что со

мной происходит. По его губам скользнула усмешка и, хотя она была совсем не злой, а скорее даже наоборот, моё раздражение отчего-то удвоилось..

– Асенька!– вдруг вспомнил Ян.–А ведь Александра так ещё и не получила наш подарок. - И действительно, цветная коробка стояла, забытая, на дачной скамейке. Но что я сейчас слышала?? НАШ подарок? Да я вообще ждала только Аську! Его самого и его подарков абсолютно не было в моих планах! Вообще-то я умею держать себя в руках, но тут я не выдержала:

– Я потом посмотрю.– и выдавила из себя улыбку, больше похожую на оскал.– Мы с Асей давно не виделись, и я хотела бы поговорить с ней наедине. Она сама для меня как подарок! - с этими словами я повернулась по направлению к дому и кивком головы пригласила Аську следовать за мной.

– Александра!– Женьке явно не нравилось моё поведение, но я не обратила на его возглас никакого внимания.

– Ася, пойдем.– я не столько позвала, сколько потребовала. Аська тут же встала и пошла за мной в дом. Едва мы остались одни в тусклом свете лампы, меня прорвало:

– Кто это такой?! Где ты его откопала?!

Аська с широко открытыми глазами уставилась на меня:

– Тебе так не понравился Ян?– в ее голосе что-то дрогнуло.– Если б я могла предположить, я бы... не стала...

Я упала на табуретку.

–Аська! Прости меня, дуру! Я не хотела тебя обидеть. Но...– я тщательно подбирала слова, но, так и не сумев заменить истину чем-то другим, сказала, как есть,– да, он мне почему-то не нравится, но я очень рада видеть тебя.

Лицо Аски озарила улыбка.

– Саша, ты его просто не знаешь. Он тебе обязательно понравится.

– Да? Возможно. А что у вас с ним?

Было темно, но я уверена – Аська еще больше побледнела (краснеть ей было не дано):

– У нас? А что у нас? Ничего.

Как это ничего? Кого ты стесняешься?

- Я не стесняюсь. Я не знаю, как сказать.... Кстати, ты сама во всем виновата.– Аська засмеялась, увидев, как округлились мои глаза.– Ты помнишь поезд, на который посадила меня год назад? Вот там мы с Яном и познакомились.

- Так вы уже год вместе?!– с ужасом спросила я.– И ты мне ни по телефону, ни в

письме?..

Аська отвела взгляд в сторону.

- Мы знакомы с ним год. А вместе не так давно. Знаешь, мне до сих пор кажется, что это сон. Я скоро проснусь и пойму, что мне всё это только приснилось. Понимаешь?

Ну конечно! Как я сразу не догадалась. Аська никогда не встречалась с парнями, а тут сразу такой принц, разве что без коня... Я ласково потрепала ее по плечу:

- Разве я не твоя подруга? Ты должна была давно рассказать мне обо всём! Хочешь, я тебя ущипну, и ты удостоверишься, что всё происходит наяву?

Я потянулась к её щеке, Аська засмеялась и ловко увернулась от моей руки:

- Теперь, когда я вижу, что Ян может кому-то не нравиться, я понимаю, что он настоящий. - сказала она.

- И на какой же стадии ваши отношения? - моё любопытство не давало мне покоя.

- Ты как будто допрос ведешь.- смутилась Аська.

- Но мне же хочется знать, что изменилось в твоей жизни.- оправдывалась я.

- Мы живем вместе.- неожиданно совершенно отчетливо произнесла Аська. Я от избытка эмоций чуть не упала с табуретки:

- Значит,.. любишь?

- Больше жизни.

- Ты говоришь, как в романах. - призналась я.

- Но всё именно так, как я читала в романах.

- То есть у вас взаимная любовь?

- Я счастлива.- просто ответила она.

- Ну, это самое главное.- а что я еще могла сказать?

Аська вдруг приобняла меня и чмокнула в щеку. Я все поняла, увидев перед своим носом ту самую цветную коробочку с золотой лентой. И когда она успела её прихватить?

- Поздравляю.- она положила подарок на стол передо мной.

Спасибо тебе, дорогая! - я распечатала коробку и попыталась рассмотреть в полутьме плоский тёмный предмет, им оказалась электронная записная книжка.

- Ты с ума сошла!- воскликнула я. - Зачем ты так потратилась?!

- Не так уж это и дорого. Тем более для тебя. Я неплохо подзаработала за этот год.

- Где это, если не секрет?

- Неужели ты думаешь, что я только возле бабушки сидела, царство ей небесное? Я с тетками картошку садила, они хорошо платили.

– Картошку?? - у меня даже слезы навернулись на глаза. Я обняла Аську и шепнула:

- И всё-таки самый большой подарок для меня — наша встреча.

– Я тоже очень скучала. - сказала она. - Но и подарок выбирала не без умысла. Я хочу, чтобы ты никогда не забросила писать свои рассказы. И могла писать в любое время, когда придет вдохновение.

– Ты же знаешь, без тебя у меня хороших рассказов не может быть.

– Это не правда!– горячо возразила Аська.– Я могу только идеи подавать, а воплощать их в слова совершенно не умею.

Значит, будем работать вместе. - улыбнулась я. В этот момент входная дверь приоткрылась, и в дом просунулась голова Женьки:

Девоньки, ну хорош болтать. Завтра натрещитесь. Народ требует именинницу.

– Да, сейчас идем.– пообещала я, но Женька не исчез. Пришлось выполнять обещание немедленно.

У костра кто-то пел под гитару. Этим кем-то был Ян. Оказалось, меня звали послушать песню. Я села поближе к костру, потому что внезапно почувствовала ночную прохладу. Женька заботливо набросил на мои плечи ветровку. Невероятно, но мне определенно нравилось, как поет Ян. Голос, пожалуй, был обыкновенным, но песня была красивая. И пел он как-то душевно, что ли...Аська села рядом с ним, положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Я уставилась на пламя костра, категорически не желая выдать своего почти восторга. И заслушалась. Внезапно гитара и костер перенесли меня на семь лет назад. Последняя ночь в лагере. Тот же костер, звездное небо, песни под гитару и подруга. В какой момент и почему Аська стала моей подругой? У меня нет ответа на эти вопросы.

В лагере я была активисткой. Друзей у меня было больше, чем достаточно, поэтому я не знала, что такое дружба. Аську я заметила ещё в начале сезона, но только потому, что мне на нее указали пальцем девчонки. Она так искусно управлялась с картами и была такой замкнутой, что мои подружки прозвали ее ведьмой. Над ней не смеялись, ее не унижали, ее просто не замечали до тех пор, пока у кого-нибудь не возникала надобность погадать на картах. К аськиному счастью или несчастью гаданием увлекся весь лагерь, к тому же девчонкам нравилось наблюдать метаморфозы, которые аськины тонкие пальцы проделывали с колодой. О самой гадалке мы знали только то, что она сирота. Я никогда не просила Аську гадать, но

несколько раз наблюдала, как она это делала для других. Тут я убедилась в том, что любое дело можно превратить в искусство.

– Кто тебя научил гадать?– спросила я ее в один из таких сеансов.

– Это дано избранным.– уклончиво и странно ответила Аська. Девчонки снисходительно улыбались, а одна из них даже сердито прошептала мне на ухо, чтобы я Аську не расспрашивала – все равно она дурочка, и от нее ничего не добьешься, а от расспросов у нее только карты не верно ложатся. С тех пор я Аськой вообще не интересовалась.

Однажды вечером, перед сном, мы собрались на крыльце нашего корпуса, чтобы послушать парочку любовных или страшных историй. Я пробовала свои способности во всех областях, где только было можно, так что никто не удивился, когда я сказала, что сочинила одну историю. Все, конечно, приготовились слушать. Среди слушателей была и Аська... Я начала рассказывать о несчастной девушке, которая влюбилась в самого что ни на есть расчудесного парня, а потом оказалось, что он вообще-то женат, а ее обманул. Девочка родила, ребенок умер, девочка перерезала себе вены. В общем, какая-то ахиня в этом роде, но все это образно, красочно. Девчонки были в восторге, я грелась в лучах славы, как вдруг какая-то замухрышка, какой была для меня бледная Аська, заявила:

– Так, как ты рассказала, не бывает.

У меня отвисла челюсть. Я говорю:

– А кто тебе сказал, моя милая, что это было?

– Это не обязательно должно было быть, но каждая хорошая история рассказывается так, как-будто это было.

Вот тебе на! Меня охватило состояние шока, моих подруг, впрочем, тоже.

– Ну и почему же,– спрашиваю, скрепя сердце,– этого не может быть?

– Потому что живой человек меняется в зависимости от поворотов судьбы, а твоя героиня – не настоящая, она как кукла. И убила себя не она сама, это ты ее убила. От такой литературоведческой критики меня бросило в жар.

– Да что ты понимаешь?!– закричала я.– Кто вообще спрашивал твое мнение?!

Аська тут же забилась в угол, а я почувствовала себя дрянью.

– Ладно, я иду спать.– проговорила я убитым тоном и ушла.

Всю ночь, как только уснули мои соседки, я с фонариком записывала в тетрадь свою историю, но с теми замечаниями, которые сделала Аська. Я до сих пор не знаю, почему меня так задели ее слова, ведь она никогда ни для кого не была авторитетом, тем более для меня. Может быть потому, что раньше советовала мне

никто не решался, а может потому, что Аська была права. Утром мне сообщили, что Аська рассказывает великолепные ужастики...

Следующим вечером была гроза, мы сидели в комнатах, отключив электричество.

Две моих подруги, потратив битых полчаса на визг и зарывание в подушки, утратили способность бояться и притащили в нашу комнату Аську, чтобы послушать кошмары для поднятия нервного возбуждения – известная человеческая слабость. Это больно хлестнуло по моему самолюбию, но я не стала возражать. Аська была одета в белое платье, и каждый раз, когда сверкала молния, ее мраморная фигура вызывала какое-то жуткое, холодное ощущение. Теперь уже я зарылась в подушку и решила, что ни за что не стану смотреть на нее, а тем более слушать. Но не успела я зажать уши, как что-то твердое упало на пол и покатилося к моей кровати. Я высунула голову из-под подушки и увидела малюсенький грецкий орех, который тут же поспешно подняла Аська и положила в карман с такой осторожностью, словно это был один из орешков для Золушки. Девчонки в недоумении переглянулись, и кто-то из них шутливо спросил:

– Это что, твой талисман?

– Моя судьба.– совершенно серьезно поправила Аська. Сдерживая смех, девчонки продолжали расспросы:

– Ты хочешь сказать, от этого грецкого ореха зависит твоя судьба?

Аська кивнула.

– А если ты его потеряешь?

Рука Аски машинально легла на карман, будто ореху угрожала опасность.

– Не потеряю. У меня его могут только украсть. Но пусть знает каждый из вас...– она сделала паузу и обвела нас взглядом –никогда прежде я не видела в ее глазах этого ужасного зеленого блеска.– Тот, кто осмелится это сделать – умрет!

Все засмеялись, но это был нервный смех – никто не хотел показывать то, что чувствовал на самом деле жуть.

– Уж не ты ли его убьешь?– с вызовом спросила одна из девчонок.

– Нет. Он умрет страшно.... И не надо смеяться, вы думаете,там ничего нет?– Аська подняла палец вверх.

Внезапно сидящая рядом с Аской девчонка проворно сунула руку в ее карман и, вытащив орех, подбежала к окну:

- А я тебе докажу, маленькая дура, что это — обычный грецкий орех!– и не успел никто из нас прийти в себя, как орех полетел на улицу, в темноту.

- Что?– продолжала сумасбродка, глядя на Аську, закрывшую лицо руками.– не

побежишь, небось, за своей судьбой в такую погоду?

Вдруг раздались оглушительные раскаты грома. Наша храбрая, рассудительная, но жестокая подруга с такой стремительностью бросилась на пол и так завизжала, закрывая голову руками, что мы поняли: она совсем не хочет страшно умереть. Мы окружили ее и начали успокаивать. Только через несколько минут я заметила, что Аська исчезла. Что-то повернулось у меня внутри, я схватила обидчицу за плечи, подняла с пола и грубо толкнула на кровать:

– Ты настоящая скотина!– я буквально выплюнула ей эту фразу в лицо, развернулась и вышла из комнаты. Я была уверена, что Аська на улице... Гроза уходила за лес, но дождь лил как из ведра. Вглядываясь в темноту, я ждала: не мелькнет ли белое платье. Вокруг никого не было. Я несколько раз позвала Аську. Никого. "А может быть, она посмеялась над нами и спит себе спокойно?" – подумала я и, почувствовав себя глупо, неизвестно зачем села на скамейку. В следующую минуту мой рот расползся до ушей: я увидела в траве, под ногами, аськину "грецкую судьбу". Я подняла орех и пошла в дом. На пороге сидела мокрая, как лягушонок, Аська (и откуда она уже появилась?); ее платье так прилипло к телу, что она казалась голой. Боже мой, какая она была худая, нет, тонкая! Я молча протянула ей орех. Аська смотрела на меня взглядом, полным растерянности и отчаяния и тщетно вытирала с лица то ли слезы, то ли дождевые капли.

– Пошли спать.– покровительственным тоном сказала я и взяла ее за руку. Аська молча повиновалась.

С тех пор все в лагере с удивлением наблюдали нашу странную дружбу. Никто не понимал, что может быть общего у нас с Аськой. Да и разве понимали мы сами? Но, тем не менее, мы постоянно были вместе. Я видела и знала, что Аська была редким, чудом сохранившимся в нашем мире самородком, она была всегда искренна, всегда добра и всегда беззащитна. А после происшествия с орехом она стала еще и всегда преданной мне. У меня не было и мысли оттолкнуть ее от себя или злоупотребить ее доверием и преданностью. Каждый день я открывала в ней что-то новое, чего никто никогда раньше не замечал. И мне нравилось быть её покровительницей. Мы вместе добились настоящего успеха: Аська придумывала сюжеты, а я превращала их в рассказы. То, что получалось, сразу же становилось народным бестселлером нашего лагеря и переписывалось из тетради в тетрадь.

Но вот настал последний вечер в лагере. Последний костер. Последний раз все наши песни. Мне было трудно представить, что завтра вечером я не увижу Аську. Какая я была дура! Аська думала совсем по-другому:

– В понедельник я приеду к тебе, и мы понесем твои рассказы в редакцию. У меня есть знакомая, Татьяна Борисовна. Ей понравится то, что ты пишешь, вот увидишь. Я посмотрела на нее, словно увидела впервые:

– В редакцию? Мои рассказы?

– Ну да. А зачем ты их пишешь, для нас с тобой? Пусть все читают.

– Во-первых, это не мои рассказы, а твои.

Аська даже сморщилась:

– Да я двух слов связать не могу! О каких рассказах ты говоришь?

Я покачала головой:

– Ты действительно считаешь меня способной присвоить себе чужие заслуги?

Аська доверчиво заглянула мне в глаза:

– Пойми, Саша, я никогда не стану писать книги, я могу только подавать идеи.

Неужели ты со своими способностями допустишь, чтобы эти идеи просто забылись? Теперь-то я понимаю, что кроме способностей у меня больше ничего и не было, но тогда я всерьез верила, что смогу стать известной. Вот так мы и заключили с Аськой своеобразный договор. Аська выполнила свое обещание, и наши три рассказа напечатали в молодежной газете.

Аська жила у какой-то двоюродной тетки, которая смотрела на нее, как на приبلудившуюся собаку, но очень скоро такое опекуновство надоело им обоим... И Аська, едва получив паспорт, переехала жить в общагу. Почти все свободное время мы проводили вместе. После школы я поступила в институт, а вот Аська не согласилась куда-либо поступать, не смотря на все мои уговоры и доводы. Ей нужны были деньги, и она пошла работать нянькой в детский сад. Половину из того, что зарабатывала, она отдавала за комнату в общежитии. Общежитие находилось в паре кварталов от моего дома, я часто бывала там и видела, в каких ужасных, на мой взгляд, условиях приходилось жить моей подруге. Я постоянно таскала ей что-нибудь вкусное или приглашала на обед к нам домой. Аська никогда не жаловалась, а ходить к нам на обед отказывалась. Наверное, стеснялась. Я не могла смотреть, как Аська сидит на воде и сухарях, и в один прекрасный день объявила, что переезжаю к ней, и за комнату мы будем платить вместе. Аська не смогла скрыть радости, но я знала, что радуется она не материальной поддержке... Всеми правдами и неправдами, с большим трудом, но мне всё-таки удалось уговорить моих родителей отпустить меня жить в общагу. Чтобы получить их согласие, нам с Аськой пришлось сменить её маленькую убогую комнатку на более большую и светлую комнату. Моя мама хорошо умела улаживать такие вопросы...

Так прошел еще год. Прошлым летом Аська получила известие, что ее единственная бабка, жившая в какой-то неизвестной миру деревне, слегла. Ни минуты не раздумывая, моя подруга собралась и уехала к странной родственнице, вспомнившей о своей внучке только в критический момент. Мне же Аська пообещала обязательно звонить или писать и как можно скорее вернуться. Приятного для меня в нашей разлуке было только то, что я снова могла перекусывать в родное уютное гнездо, под крыло к обрадованным родителям.

24 июля

Мой праздник завершился только к рассвету. Утром, полусонные, мы всей толпой возвращались в город. На одной из остановок в автобус зашли двое парней под шафой и вместе с ними милая девушка, которая, впрочем, тоже нетвердо держалась на ногах. Кондукторша, естественно, спросила у них билеты. Парни загадочно ухмыльнулись, девчонка отвернулась и уставилась в окно. Кондукторша попалась настойчивая. Наконец, один из парней, посмотрев на нее честными глазами, заявил тоном, не требующим возражений:

- У нас проездной.

- Покажите. - не отставала тетка.

- Слушай, отвали по-хорошему.- внезапно предупредил парень.

- Нет, вы только посмотрите, какой нахал!- возмутилась кондукторша.- хочешь, чтобы я остановила автобус?

Парень состроил гримасу утомленного человека и смачно послал приставучую тетку в не столь отдаленное место. Тетка чуть не захлебнулась воздухом, потом из ее рта посыпались такие угрозы и обидные слова, какие известны только женщинам, регулярно читающим бульварную прессу. Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта ругань (причем, надо заметить, никто из пассажиров или не считал нужным, или не решался вмешиваться), как вдруг, второй парнишка, который до этого молча покачивался, держась за поручни, повернулся и ... плюнул кондукторше прямо в лицо. В этот момент автобус остановился на очередной остановке, и водитель открыл двери. Всё случилось очень быстро и неожиданно. Ян поднялся со своего места, отпихнул с прохода обалдевшую кондукторшу, схватил "верблюда" за горло и, не говоря ни слова, выкинул на улицу, словно гнилой огурец. Весь автобус затаил дыхание. Второй парень не долго раздумывал, как защитить «честь» своего товарища. Он очень поспешно попятился к выходу. Но Ян не позволил ему выйти.

Схватив за плечи, он повернул парня спиной к себе и пинком выкинул из автобуса. Бабки издали возгласы одобрения и восхищения. Автобус почти аплодировал. Мой Женька невесело усмехнулся:

– Неплохо. Мне почти стыдно, что это сделал не я.

В это время Ян повернулся к хлопающей ресницами, растерявшейся милой девушке и вполне вежливо спросил:

– Будете выходить, сударыня? Или... Я могу за Вас заплатить.

Девчонка презрительно фыркнула и, гордо вздернув покрытый веснушками маленький носик, почти выпала из автобуса.

Остаток пути старухи и женщины обсуждали современную молодежь. Кондукторша не выглядывала из кабины водителя, куда поспешно скрылась. Мои друзья высказывали Яну своё восхищение и от этого чувствовали себя причастными к подвигу. Аська с обожанием и гордостью смотрела на своего героя и чуть слышно шептала мне на ухо:

– Ну, вот видишь. Видишь, какой он.

Я не совсем четко понимала ее слова, я пыталась понять свои ощущения. Я не могла поверить в существование человека, достойного Аськи, похожего на неё. Мне казалось, Ян просто играл ту роль, которую от него ждали, но это не мешало ему жить своей жизнью, потому что он жил где-то за кадром. Все мои друзья, даже мой парень, были сейчас хуже него. Но был ли он в действительности так хорош? Я не столько подумала, сколько почувствовала все это, и вместе с тем ощутила еще одно: желание избегать этого человека. Чем он мне не нравился? Может быть тем, что казался ненастоящим. Скажи я тогда о своих умозаключениях Аське или Женьке, они бы не поняли меня, по крайней мере, тогда я была в этом уверена.

27 июля

Теперь Аська жила в той же самой общежитии, но с Яном. Я перестала к ней заходить, придумывая всевозможные отговорки. Каждый день Аська приходила сама, вместе с Яном. В присутствии Яна наши беседы были немногословными и натянутыми, а вся обстановка напряженной и неестественной. Неужели теперь нам с Аськой никогда не удастся побыть наедине? Казалось, Ян стал обязательным приложением к моей подруге, и это меня совсем не радовало. И всё-таки я старалась быть гостеприимной хозяйкой, но, наверное, у меня плохо получалось, потому что сегодня Аська пришла одна и, в разговоре, между прочим, как-то грустно спросила:

– Мы ведь всегда доверяли друг другу, правда?

– О чем это ты?– тупо спросила я.

- Почему тебе не нравится Ян?

- Я очень рада, что мы наконец-то вдвоем, и можем поговорить между нами, девочками. - я намекнула на то, что хотела бы разграничить нашу дружбу и аськину личную жизнь.

- Я понимаю, что когда мы вдвоем, он лишний. Но я приводила его не просто так. Мне хотелось, чтобы ты узнала Яна получше. Он совсем не такой плохой, как ты думаешь. - призналась Аська.

– Ах, вот оно что...– улыбнулась я.– А ты просто расскажи мне о нем. Кто он такой, чем занимается? Где жил раньше?

Я была уверена, что услышу трогательную романтическую историю часа на полтора, но ответ Аськи оказался довольно сжатым:

– Он когда-то работал в цирке, на мотогонках. Постоянно гастролировал, потом повредил позвоночник и больше не мог работать. А потом я его встретила в поезде, когда он только вышел из больницы. Он был совсем один, так же как это было когда-то со мной. У него сильно болела спина после операции. А я умею снимать боль, ты же знаешь. Он попросил не бросать его. Всё.

– Всё?!

Я была поражена:

– Ты хоть знаешь его фамилию? Видела его паспорт?

– Нет. Зачем это?!– в свою очередь поразилась Аська.

Я понимала, что она говорит правду, но не могла с этим смириться.

– Что-то он не похож на человека с поврежденным позвоночником.– промямлила я, вспомнив статную фигуру Яна. Аська ласково взяла меня за руку:

– Саша, ну скажи, в чем ты его подозреваешь?

– Я тебе когда-нибудь врала?

Аська удивленно вскинула светлые брови:

– Никогда.

– Тогда даю тебе честное слово, что я сама ничего не понимаю. Но... будь осторожнее.

Аська в недоумении пожала плечами:

– Зачем?

– Я не знаю. Я так чувствую.

На этом наш разговор закончился.

30 июля

Мне позвонила одноклассница, с которой мы поддерживали приятельские отношения и спросила, не знаю ли я кого-нибудь, кто хорошо гадает на картах. У неё была несчастная любовь, и она искала хоть какое-то утешение. Я сразу подумала про Аську и пообещала спросить, не согласится ли она провести сеанс гадания. Казалось бы, что в этом такого — задать вопрос, передать ответ? Но... ужасно трудно заставить себя так внезапно пойти к Аське. Ведь там Ян. А приятельница умоляла договориться прямо сегодня. Я вздохнула и пообещала перезвонить ей вечером. По дороге к общежитию я горячо молилась, чтобы не застать Яна, но бог оказался не таким всемогущим, чтобы справиться с Яном, и поэтому именно Ян открыл мне дверь. Я стойко выдержала его прямой взгляд и поздоровалась.

- Снег не идет?.. — спросил он вдруг.

- Что? - не поняла я.

Он рассмеялся своим отшлифованным классическим смехом:

— Лучшая подруга, наконец-то, решилась зайти. Что-то случилось?

От нахлынувшего раздражения у меня задрожал подбородок.

- Она дома? — даже голос был не моим.

Ян резко переменился, став совершенно серьезным.

— Конечно. Проходи. — он посторонился, и я вошла.

— Подожди минутку. — добавил он, увидев мой возмущенный и в то же время испуганный взгляд, когда я вошла в пустую комнату. — Она пошла в душ.

Я успокоилась и с достоинством приняла на себя удар судьбы, означавший, что, возможно, мне придется провести несколько минут с Яном. Он словно читал мои мысли:

— Ничего, если мы пока пообщаемся с тобой? — по его тону я понимала, что его что-то забавляет. Он развлекался, я это чувствовала.

— Давай, пообщаемся, если найдем общую тему. — я не смотрела на него. — Ведь ты не можешь уйти в другую комнату. Комната здесь только одна.

— Если тебе неприятно мое общество, я пойду, покурю. И всё-таки мне ужасно интересно, почему ты меня так боишься.

Я подняла глаза и встретилась с его взглядом: ну, конечно, он был совершенно уверен в том, о чем говорил.

— Я никого не боюсь. — парировала я.

— Но меня ты боишься.

Каждая его фраза колола, как острая, но ржавая игла. Я плюнула на приличия:

– Ты мне неприятен, ясно? На этом точка.

Ян только спокойно улыбнулся.

- Чего уж тут неясного. Я тоже не в восторге от тебя. Твой эгоизм и самовлюбленность слишком очевидны. Ну и что? Я же не морщу нос каждый раз при встрече с тобой. Ты нравишься Аське. Ради неё я готов терпеть твоё общество сколько угодно. До тех пор, пока она сама не поймет, что никакая ты ей не подруга. Ты не можешь быть ей подругой.

- Да??? - изобразила я изумление в то время, как кровь застучала у меня в висках. - Но тогда и ты не можешь быть её парнем! Она слишком хороша для тебя! - я не смогла не ответить на его дерзкое заявление.

- Может быть., - всё с тем же спокойствием продолжал Ян. - Но это решать ей. О том, что ты — плохая подруга, я тоже не собираюсь ей говорить.

Он слишком хорошо владел собой. Чего я, к сожалению, не могла сказать о себе. Я не знаю, что произошло со мной тогда, но я вскочила со стула и бросилась к Яну: у меня было одно желание – расцарапать в кровь эту спокойную, божественную физиономию, ну или хотя бы дать пощечину. Лишь бы выражение его лица изменилось! Ян среагировал молниеносно: он перехватил мою руку в области запястья и, как тряпичную куклу, отбросил меня на диван.

Что за кошачьи выходки?! Со мной это не пройдёт....- я видела, что он откровенно смеётся надо мной. В порыве ярости и безграничного возмущения я хотела сказать ещё что-то, но от внезапного приступа страха слова застряли у меня в горле. Я увидела, как Ян, не спеша, расстегивал ремень на джинсах.. В душе я заорала так, как никогда в жизни, но мой реальный голос куда-то пропал. Я искала глазами, чем бы в него запустить, но вокруг ничего не было. За несколько секунд в моей голове пронеслись тысяча предположений о его намерениях, и все они были одно ужаснее другого.

Выдернув ремень из своих джинсов и сложив его в руках петлёй, Ян спокойно произнес:

– Сейчас я выдеру тебя так, как не драла в детстве мама.

Я так и застыла с раскрытым ртом, может, мне показалось, а может я и на самом деле всхлипнула. Всё происходящее принимало какой-то дикий и совсем неожиданный поворот.

- Только попробуй. И я заору. - хрипло выдавила я сквозь зубы.

- Начинай орать. - предложил он. -Только тебя никто не услышит. Сейчас на этом

этаже никого, кроме нас, нет. А ниже тебя уже точно не услышат. Постройка старая. Звукоизоляция хорошая.

– Ах, ты скотина! Ты ещё и врал мне, что Аська в душ пошла!– я ненавидела его всей душой. А он... Он улыбался, словно был доволен моей реакцией. Он явно наслаждался моим унижительным положением. Я считала себя сильной, но, видно, я глубоко ошибалась. Я почувствовала на своих щеках влажные дорожки. Это были слезы унижения, злости и беспомощности. И я, как ни старалась, не могла их остановить.

- Ты – самая большая сволочь, какую я только видела.– прошептала я.

- Ты просто невнимательно смотришь в зеркало. - не полез за словом в карман мой собеседник и тут, наконец, заметил мои слезы. Странно, но это как-то подействовало.

- Ты плачешь? - изумленно спросил он.

- Нет! Это желчь и эгоизм выходят наружу! - крикнула я, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, как беспомощный ребенок.

- Прости... - меня поразила перемена в нем, он словно растерялся. - Но я же должен был как-то защищаться. Хоть мне и не понятно, что я сделал не так, и чем заслужил твоё к себе отношение?!

Я не ослышалась. Он действительно оправдывался.

- Защищаться? Ты??? - я вытерла мокрые щеки и, взглянув на свои руки, поняла, что выгляжу сейчас, мягко говоря, «не очень». Тушь размазалась по лицу, и это наверняка добавило ещё один штрих к и без того жалкому зрелищу. Но мне уже было наплевать:

Бедный мальчик! - с усмешкой пожалела я. - Защищался..., с ремнем в руках! От какой-то ужасной, смертельно опасной фурии! Да ты просто герой! Знаешь, окажись у меня этот ремень, я бы тебя убила!– закончила я. Ян молча протянул мне ремень. Этот снисходительный жест не добавил мне умиротворения. Я схватила ремень и со всего размаха хлестнула его по руке, которой он в тот же миг снова попытался забрать ремень. Но я успела хлестнуть его ещё раз по той же руке, теперь уже сильнее. Он сморщился от боли. Его изумленный взгляд заставил меня остановиться и почувствовать всю дикость происходящего. Именно поэтому я упустила следующий момент, когда Ян с ошеломляющей силой завернул мои руки за спину и просто придавил меня своим телом к дивану. Теперь забрать ремень для него не составило труда. Я собралась заорать, но это чудовище, отгадав моё желание, закрыло мой рот ладонью.

- Давай только без глупостей. - прошептал он так близко, что его дыхание касалось моего уха. - Сейчас я уберу свою руку. Ты при этом не издашь ни единого звука. А если заорешь, то пеняй на себя. Ты поняла? Кивни. - потребовал он. Мне ничего не оставалось, как принять его условия.

- Отпусти меня сейчас же! - крикнула я, как только он убрал свою руку от моего лица. Одним рывком Ян повернул меня лицом к себе. Так, что его глаза оказались прямо напротив моих, и, словно пытаясь прочесть мои мысли, признался: - Но мне не хочется тебя отпускать. И даже не потому, что ты распускаешь руки.

Это переходило уже все границы. Я набрала в легкие побольше воздуха, чтобы как следует заорать, так, чтобы наверняка кто-то услышал. В глазах Яна мелькнуло что-то похожее на страх, мои намерения он понял в тот же момент, в который последовала его реакция. Я не знаю, почему и зачем, он решил поступить со мной так. Но случилось то, что случилось. Не раздумывая ни секунды, Ян просто закрыл мой рот своими губами. В тот момент я должна была понять, каким может быть омерзительнейший поцелуй на свете, если это вообще можно было назвать поцелуем. Но я ничего не поняла. Я почувствовала, что сейчас задохнусь. В висках что-то кольнуло и мне показалось, что я теряю сознание. Похоже, что теперь и сам Ян испугался своих действий. Он отшатнулся от меня так же резко, как и набросился. Отошёл к окну и, не оборачиваясь ко мне, сказал:

- Уходи немедленно. Пожалуйста.

Меня не надо было упрашивать. Я бросилась к двери, на ходу поправляя одежду и волосы. Мои дрожащие пальцы с трудом справились с замком. Я выскользнула за дверь и, не закрывая её, кинулась вниз по лестнице. Я не помню, как оказалась на улице. Как дошла до дома. Прохожие с любопытством оборачивались на меня, но мне не было до этого никакого дела. К счастью, никто из домашних ещё не вернулся. Не глядя в зеркало, я сбросила с себя всю одежду и включила душ. Под струями теплой воды я постепенно пришла в себя и даже попыталась понять, что же произошло за последние сорок минут. А произошло примерно следующее: меня оскорбили, унизили и даже немножко изнасиловали. Как-то так. Но случилось и ещё что-то другое, и оно, это другое, было важно. Я долго не могла понять, что именно. Мне просто нужно было время, чтобы это понять.

Я завернулась в большое махровое полотенце и, прихватив телефон, ушла в свою комнату. Набрав номер одноклассницы, я сказала, что моя знакомая надолго уехала и ничем не может ей помочь. Приятельница горько вздохнула. Ведь у неё несчастная любовь... Теперь ей придется искать новую надежду.

Вечером пришел нервный и возбужденный Женька. Он явно не находил себе места в моей комнате, поэтому я предложила прогуляться и объяснить, что с ним происходит. Тем более, что я и сама нуждалась в свежем воздухе. Мы вышли из дома и пошли вдоль узкой аллеи на радость голодным комарам. Женька с такой силой прихлопнул присевшее к нему на руку насекомое, что мы оба поняли: этот удар предназначался кому-то другому. Вскоре все выяснилось.

– Ты пойдешь послезавтра болеть за нас?– спросил Женька, убивая следующую жертву уже на моем плече. Я покачнулась.

– Ты спрашиваешь за последние три дня пятый раз.– напомнила я ему.– и в пятый раз я отвечаю, что пойду.

– Спасибо.– В пятый раз поблагодарил Женька и сжал мою ладонь.– А вдруг ты передумала. У тебя всегда так: сегодня – да, завтра – нет.

Я даже остановилась:

– Ничего такого не помню.

– А это уже следующий пункт: ты никогда не помнишь своих несерьезных поступков.

– Ты хочешь поругаться? - предположила я.

Он отмахнулся:

– Не надо, Сань, я злой, и тебе лучше быть сегодня покладистой.

– Я — просто ангел. - тихо произнесла я и заглянула ему в глаза. Женька растаял, улыбнулся и, приобняв меня за плечи, признался:

- Для меня действительно очень важно, чтобы ты пришла на этот матч. Иначе мы проиграем.

- Я приду обязательно. И ничто не сможет мне помешать! - заверила я его. - Но всё-таки мне странно слышать слово «проиграем» от тебя. Ты никогда раньше не боялся проиграть. Твоя команда почти всегда выигрывает.

Я сказала сущую правду. Футбол всегда был женькиным увлечением, но никогда поводом для волнения и страха. Его команда считалась сильнейшей в нашем городе. Послезавтра намечался один из обычных районных матчей. Я не видела причин для каких-либо опасений.

– А что вообще такого страшного в проигрышах? Проигрыш стимулирует...– начала я, но Женька меня перебил:

- Мы не можем проиграть послезавтра. Я буду чувствовать себя последним лохом. Не надо на меня так смотреть, сейчас все объясню.

- Да уж, будь добр...

- Играть будем с «железнодорожниками». А у них появился новый лидер, не знаю, откуда его принесло, но сегодня я видел, как он играет. Жёстко. Да он выплюнет легкие, только чтобы устроить нам завоз!

- Что? - не поняла я.

- Он обещал уделять нас, как бог черепаху! Так и сказал. При всех. И после этого проиграть?

- Но это же просто психологический прессинг! - сумничала я. - Но вы не проиграете. Поверь мне. Так говорит моя женская интуиция.

Я хотела потрепать его за щеку, но он увернулся.

- Он заводил тебя.— перевела я на более понятный язык.— А ты повелся.

- Я это понял.— ответил Женька.— Но он бросил мне откровенный вызов, и теперь я не должен проиграть!

- Ну, так и не проигрывай.

- Мне нужны болельщики и, прежде всего, ты.

- Я приду, буду за тебя болеть и ты выиграешь.— проговорила я, видимо, уже машинально, потому что Женька подозрительно посмотрел на меня.

- Ты как будто чем-то озабочена.

Я отрицательно покачала головой:

- Это ты слишком озабочен.

Женька остановился и притянул меня к себе.

- Уже нет. Я верю твоей женской интуиции. Теперь я спокоен, только еще один вопрос: -пригласим Аську с этим ее...?

Все время до этого я находилась в напряжении, словно ждала, когда проползет время, пройдет этот отвратительный день и забудутся все ощущения, при воспоминании о которых меня начинало колотить, как в лихорадке. И вдруг, как только смысл последней женькиной фразы проник в мое сознание, лихорадка вылезла изнутри наружу. Женька почувствовал, что обнимает существо дрожащее. Он заглянул мне в лицо:

- Ты замерзла??

Я постаралась взять себя в руки, и на этот раз мне это неплохо удалось:

- По-моему, это плохая идея. - как можно равнодушнее сказала я. - Аська футбол не любит и ничего в нем не понимает.

- А что там понимать?— искренне удивился Женька.— Футбол по телевизору и футбол на стадионе — это две абсолютно разных атмосферы. Ей понравится, вот увидишь!

– Не думаю.– пробормотала я, чувствуя, как сгущаются тучи над послезавтрашним днём.- Что тебе даст их присутствие?

- Массовка. Стимул. - пояснил Женька.

- То есть меня тебе уже не достаточно?

- Здесь дело не в этом. - терпеливо объяснял Женька. - Я боюсь, что в одиночку ты сорвешь голос. К тому же, я буду чувствовать себя гораздо увереннее, зная, что Ян присмотрит за вами с Аськой и не даст вас никому в обиду.

Мои брови взметнулись вверх:

- Да??? А ты не думаешь, что Ян сам, кого хочешь, обидит?

- Нет, не думаю. - не обращая внимания на мою язвительность, сказал Женька. - Ян мне нравится. Нормальный парень.

Он произнес это с такой уверенностью, что я просто прикусила язык. Чтобы переубедить своего любимого, я должна была бы поведать ему ту неприятную историю, что пришлось пережить мне сегодня днем. Но даже сама мысль об этом казалась мне нелепой.

- Александра! - многообещающе начал вдруг Женька, и я напряглась. Что-то в последнее время я стала всего бояться. Но мои страхи были напрасны.

- Я совсем забыл, - продолжал он. - Сегодня ведь у нас праздник!

- Праздник?! - я попыталась припомнить, какое сегодня число, но не могла приурочить к этой дате никакого события.

- Во-первых, сегодня полнолуние. - лукаво прищурился Женька и продолжил: - Во-вторых, мои уехали на пару дней к материнной сестре. А в-третьих, я получил свои честно заработанные деньги, а к ним ещё и премию, потому что я — самый продвинутый автомойщик в мире... и... - он выдержал многозначительную торжественную паузу и, наконец, закончил: - я приглашаю тебя сегодня в ресторан!

- В ресторан?! - радостно воскликнула я.

- Да. Я слышал, что новый ресторан на углу очень даже ничего. К тому же там живая музыка.

- Я согласна! - не раздумывая, сказала я, но тут же состряпала грустную физиономию : - Только я совсем не готова к походу в ресторан. Мне бы хотелось переодеться.

- Ты и сейчас выглядишь просто шикарно. - как истинный джентльмен сказал Женька, окидывая меня влюбленным взглядом. - Но если для тебя так важно сменить гардероб, я подожду. Только недолго. 15 минут!

- Я успею! - меня так переполняла искренняя радость оттого, что мы пойдем в такое

место, где можно будет наконец-то расслабиться и просто наслаждаться жизнью, что я повисла у Женьки на шее и поцеловала его.

- О! - довольно проговорил он, когда я выпустила его из объятий.- Предоплата внесена.

- Не забывай, что ты любишь меня бескорыстно! - напомнила я.

- Ну, разумеется. Только не забудь предупредить родителей, что вернешься поздно утром.

Ну, наконец-то... Мы снова были самими собой. Могли шутить и наслаждаться обществом друг друга. Кажется, этот неуютный день заканчивался.

Мы отправились к моему дому. Женька остался курить у подъезда, а я побежала собираться, на ходу соображая, что можно надеть. У меня был не слишком богатый гардероб. Но каждую свою вещь я любила. У меня не было таких вещей, которые годами болтались в шкафу, собирая пыль... Я остановила выбор на своей любимой нежно-персиковой блузке, у нее был не слишком глубокий вырез, но в то же время она сидела на мне просто отлично, выгодно подчеркивая мои девичьи формы. К ней я одела прямую черную юбку с далеко не пуританским разрезом до середины бедра. Я хотела нравиться своему парню. Как любая женщина хочет нравиться любимому мужчине. Итак, осталось подкрасить губы... и немного добавить тушь на ресницы. Чтобы выглядеть светской леди, я собрала свои волосы и закрепила их на затылке. Повертевшись перед зеркалом, я улыбнулась и осталась собой довольна. Чтобы не насторожить родителей своим видом, я просунула в зал только голову. Родственники с увлечением смотрели какой-то фильм. Я сообщила, чтобы меня не теряли, мол, я у Женьки. Родители давно уже смотрели на Женьку, как на будущего зятя, поэтому моё заявление никого не встревожило.

- Не забудь завтра купить хлеба. - сказала мама. - Мне будет некогда. Я завтра приду поздно, у нас выезд.

- Угу. - отозвалась я уже в дверях.

Ресторан был оформлен в определенном стиле. Ведь не зря же он назывался «Пианист». Стулья с высокими спинками, белые декоративные колонны, высокий потолок, стены расписаны в виде нотных листов.

Очень приветливая, симпатичная официантка провела нас в зал, освещённый только горящими на столах и на стенах свечами и сказала, что мы можем выбрать любой понравившийся столик. Народу было не очень много. Но всё-таки найти укромное место не представлялось возможным. На небольшом постаменте возвышался чудесный белый рояль. С первого взгляда можно было определить, что это и есть главная ценность данного заведения. Стул возле рояля пустовал и я подумала, что, наверное, с живой музыкой нам не повезло. И всё-таки я предложила Женьке занять столик поближе к роялю, и такой столик оставался свободным только один.

Как только мы расположились, официантка тут же принесла нам меню, тоже написанное на нотной бумаге, к счастью не скрипичными ключами. Люди в зале негромко переговаривались друг с другом. Изредка слышался негромкий смех. В целом, публика выглядела очень прилично и я порадовалась, что сменила джинсы на более подобающий наряд. Тут я поймала на себе взгляд Женьки.

- Что? - поинтересовалась я. - Что-нибудь не так? Почему ты не читаешь меню?

- Я люблюсь тобой. - сказал он. - Ты... очень красивая.

Как и полагается, я слегка покраснела, но больше от удовольствия, нежели от смущения.

- Спасибо. Но я ещё и очень голодная. - призналась я. - давай, что-нибудь закажем? Давай.

Мы открыли меню и принялись его изучать. Красивые названия, вполне музыкальные. Салат «Лунная соната», коктейль «Тарантелла», торт «Элегия». Интересно, это ещё и съедобно? Мне понравилось описание блюда «Морская симфония»: ароматное мясо крабов в окружении белых лепестков судака, запеченное в соусе под золотистой шапкой сыра.

- Что такое Карпаччо из говядины с трюфельными грибами, сыром пармезан и руколой? - шепотом спросил Женька.

- Из всего этого я могу рассказать тебе, что такое говядина. - сказала я. - Но я думаю, надо попробовать что-то новое. Иначе мы никогда не узнаем, что это такое.

- Ты права. - согласился Женька и мы подозвали официантку. Дополнительно к выбранным блюдам мы заказали по бокалу красного вина. Когда официантка записала наш заказ, я решила всё же поинтересоваться:

- Скажите, а живую музыку мы услышим?

- Конечно. - улыбнулась девушка. - Живая музыка у нас с 10-ти вечера, через 15 минут выйдет пианист.

- Мы правильно выбрали столик. - обрадованно сказала я Женьке.

- Ещё бы. - подмигнул он.

Вино принесли почти сразу. Мы потягивали его не спеша и с наслаждением. И говорили только о нас. Точнее, мы говорили друг другу приятные, очень важные вещи. На самом деле это случалось очень нечасто. В повседневной жизни всё было как-то набегу, и мы всё-время что-то не договаривали. Наши отношения строились больше на молчаливом понимании друг друга, но иногда так хотелось говорить и слушать...

Внезапно люди в зале затихли, и мы тоже посмотрели туда, куда смотрели все остальные. Раздались аплодисменты. Возле рояля уже стоял пианист. В черном смокинге и в белой рубашке, статный красавец с безупречной улыбкой. Он поклонился гостям, сел за рояль и осторожно поднял крышку. Моё сердце замерло, и что-то сдавило мне грудь. Я не могла поверить своим глазам. Я перевела взгляд на Женьку и прочитала неподдельное изумление на его лице. Мне казалось, что в мою жизнь вмешалось что-то мистическое. Пианистом за белым роялем был Ян. Вне всякого сомнения.

В зале воцарилась абсолютная тишина.

У Яна были длинные, красивые пальцы, я заметила это, когда они опустились на клавиши рояля. Из под его пальцев полились тихие звуки какой-то знакомой мелодии. Мне почему-то стало стыдно, что я очень плохо разбираюсь в классической музыке и композиторах. Но я точно знала, что эта мелодия всемирно известна. Пальцы пианиста набирали темп, мелодия развивалась стремительно, и я не могла верить, что это его, Яна, пальцы способны извлекать из инструмента все эти звуки. Восторгаясь его искусной, просто мастерской игрой, я вспомнила про цирк и мотогонки, и всё это никак не складывалось у меня в голове в единый образ – образ этого странного человека, всецело завладевшего сейчас нашим вниманием. Принесли заказанные нами блюда, но я даже не посмотрела на поставленную передо мной тарелку. Я не могла оторвать взгляда от этих летающих по клавишам пальцев. Из оцепенения меня вывел голос Женьки.

- Я в шоке. - сказал он, наклонившись ко мне как можно ближе.

- Я тоже. - кажется, ответила я, но не услышала своего голоса. Тем временем прозвучал завершающий аккорд, и тут же раздались бурные аплодисменты. Ян, не вставая со стула, повернулся к залу, послал публике очередную улыбку, поблагодарил чуть заметным кивком головы, и вот тут наши глаза встретились. Его лицо не изменилось. Он снова повернулся к роялю и начал играть.

- Ты хоть поешь. - Женька кивком указал на тарелку.

- Да, сейчас. - растерянно проговорила я, взяла вилку и поковырялась в тарелке.

Есть не хотелось совсем. В горле стоял какой-то комок.

- А можно мне ещё вина? - спросила я, отодвинув тарелку.

- Конечно. - сказал Женька и жестом подозвал официантку.

Мелодия, которую теперь играл Ян, была мне совсем не знакома, но он играл её с таким неистовым чувством, что всё моё, с таким трудом приобретенное, расслабление испарилось окончательно. Мои нервы были напряжены до предела. Может быть, у меня начиналась паранойя, но у меня было чувство, что эта мелодия была выбрана специально для меня. В неё было вложено столько ужасающей энергии и даже агрессии, что просто мурашки бежали по телу.

Я так и не притронулась к еде. Женька устал меня ждать и положил в рот первый кусочек. Видимо, еда оказалась вкусной, потому что его тарелка очень быстро опустела.

Я удивилась, обнаружив, что моё вино снова закончилось.

- Ещё? - с каким-то сомнением спросил Женька.

- Нет, не надо. Оно, наверное, дорогое.

- Не дороже денег. - обиделся Женька и снова позвал официантку.

Ян сыграл семь или восемь вещей. К тому моменту, как он поклонился, прощаясь с публикой, в моей голове уже был туман. Конечно, три бокала вина на голодный желудок — было для меня слишком, тем более на фоне нервного перевозбуждения.

- Я позову его. - сказал Женька.

- Не надо! - громче, чем следовало, остановила его я. Но Ян сам подошел к нам.

- Привет, - сказал он. - Можно присесть к вам?

- Конечно, можно. - искренне обрадовался Женька, и они обменялись рукопожатием.

- Ты просто убил нас. Своей игрой. - улыбнулся Женька. - Это было супер! Честно.

- Спасибо. - без тени смущения поблагодарил Ян и добавил: - Собственно, об этом я и хотел поговорить. Я был бы вам очень благодарен, если бы то, что вы теперь знаете, осталось между нами.

- Ты хочешь сказать... - собрался что-то предположить Женька, но Ян его перебил: Аське лучше не знать о том, где я работаю. Она... Она будет против. А мне нужны деньги.

- Хорошо, если ты так думаешь... пусть останется между нами. - удивленно сказал Женька. - Но почему ты думаешь, что она будет против?

- Я знаю. - коротко ответил Ян и почему-то посмотрел на меня. Мне показалось, я прочитала его мысли. Он не верил, что я стану выполнять его просьбу.

- А почему я должна тебе что-то обещать? - с вызовом спросила я и поняла, что мой язык меня плохо слушается. - Ты всё время врешь! Вся твоя жизнь — сплошное вранье! Хочешь, чтобы и другие для тебя вралли?

Люди за соседним столиком обернулись в нашу сторону, и я догадалась, что меня громко слышно.

- Александра! - строго одернул меня Женька и, уже обращаясь к Яну, добавил:

- Она немного перебрала. Извини. Не обращай внимания. Она никому ничего не скажет.

В другое время эти его слова привели бы меня в бешенство, но сейчас мне стало смешно. И я засмеялась, глядя на этих несчастных сообщников, этих жертв мужской солидарности.

- Я вижу. - сказал Ян. - Но если и скажет, для меня это не смертельно. Аська только расстроится.

- Не скажет. - заверил его Женька. - У меня тоже есть к тебе разговор. Послезавтра у меня матч. Футбол. Не хотите прийти, поддержать?

- Так ты играешь в футбол? - казалось, Ян воодушевился. - Здорово! С удовольствием придем.

- Правда? - видимо, Женька ожидал другой реакции. - Тогда приезжайте вместе с Сашкой. К шести. Она знает, как быстро добраться до стадиона.

- Хорошо. - сказал Ян. - Ну, мне пора. - и он снова пожал руку Женьке.

- До свидания. - обратился он ко мне, но так и не получил ответа. Я даже не подняла глаз. Женька, как бы извиняясь за меня, развел руками.

- Бывает... Ладно, я пошёл. - сказал Ян и быстрым шагом покинул зал.

- Я тебя ненавижу. - сказала я, не поднимая глаз на Женьку.

- Хорошо, хорошо...- с пониманием согласился Женька. - Может, всё-таки поешь?

- Нет. Ешь сам. - я отпихнула в его сторону тарелку с остывшей едой.

Женька вздохнул и позвал официантку:

- Счет, пожалуйста.

Когда мы вышли из ресторана, меня качало. Женька попытался взять меня под руку, но я отшатнулась от него. Он решил, что я падаю и всё-таки поймал меня. Вот тут я и повела себя, как пьяная истеричная баба. Я набросилась на него с кулаками, я кричала, что он меня не любит, и даже футбольный матч для него важнее, чем я. По моему лицу текли настоящие слезы. Опомившись от первого шока, Женька схватил меня за плечи и встряхнул так, что я едва не откусила себе язык. Воспользовавшись

моментом, когда я замолчала, он изо всех сил прижал меня к себе и, наклонясь к моему уху, произнес:

- Пожалуйста, не надо. Ты ведь знаешь, что это не так. Я люблю тебя, и ты знаешь об этом.

Я разрыдалась. Мне было так плохо и так стыдно. И так страшно, что сейчас, такую пьяную и такую отвратительную, он может меня разлюбить.

- Прости, прости меня, пожалуйста. - умоляла я сквозь рыдания.

- Ну, тише, тише, успокойся. - говорил он, глядя меня по голове и, словно сам себе, добавил: - Подсыпали они в это вино что-то, что ли?

Постепенно я успокоилась и даже почувствовала, что в моей голове немного прояснилось. Не знаю, как долго мы стояли вот так, обнявшись, посреди дороги.

- Ты... пойдешь ко мне? - наконец, не вполне уверенно спросил Женька. И тут я почувствовала, насколько мне необходима сейчас его любовь, тепло его рук, его дыхание, он весь без остатка.

- Да. Пойдем скорее. - попросила я. Женька не заставил себя уговаривать, и мы зашагали в сторону его дома.

Как только мы зашли в темную квартиру, Женька попытался нащупать рукой выключатель, но я перехватила его руку и положила её себе на плечо:

- Не надо. Не включай свет.

Я не знаю, что на меня нашло, но ещё никогда я не испытывала такого сильного возбуждения. Под своими пальцами, молниеносно расстегивавшими пуговицы на женькиной рубашке, я ощутила, как часто он дышит и то, как быстро колотится его сердце. От этого меня захлестнуло какой-то теплой волной и я рванула, оказавшуюся под пальцами, ткань. Послышался звук рассыпающихся по полу пуговиц. Мы успели только шагнуть в комнату и тут же упали на пушистый ковер. Такой я ещё никогда не была...

- Ты такая... такая...у меня нет слов. - выдохнул Женька, когда всё закончилось.

- Тебе понравилось? - уточнила я, улыбаясь в темноте. Он повернулся ко мне и нежно поцеловал:

- Не то слово. Я хочу так всегда.

Я засмеялась:

- Всегда? А ты сможешь?

- Смогу, если ты будешь такой.

- Посмотрим. Ещё не утро.

31 июля

Когда Женька открыл глаза и сморщился от солнца, разбросавшего свои лучи по постели, я сидела на подоконнике и уже пила горячий кофе.

– Вставай, соня. Твой кофе остывает.– сказала я и бросила в него карамелькой.

Женька залез под простынь, спать всего три часа было для него слишком мало. Я же чувствовала себя вполне бодро. Был прекрасный день, и у меня было прекрасное настроение.

– Знаешь, что?– проговорила я вдруг.– А я даже рада, что Аська с Яном тоже придут на матч.

Сначала Женька не шевельнулся, потом его взъерошенная голова медленно вылезла из-под простыни.

– А ты подобрела...– весело сказал он, и в него полетела еще одна карамелька.

Весь следующий день мы с Аськой провели на пляже. Глядя на подругу, я все же была благодарна Яну за те чудесные перемены, которые произошли с ней. Во-первых, Аська перестала стесняться своей фигуры, которой, впрочем, стыдиться не было повода – некоторую худобу вполне можно было счесть за стройность, а уж в остальном все было пропорционально и соответствовало нормам. Раньше она носила такую одежду, словно хотела спрятаться в ней и быть как можно незаметнее, сейчас же на ней был ярко-розовый купальник, который ей очень шел. Во-вторых, Аська была веселой и непривычно болтливой. Она даже рассказала мне несколько смешных историй из интимной области о себе и о своем друге.

Стоя по пояс в воде и окатывая друг друга фейерверком брызг, мы, между прочим, договорились о предстоящем футболе. Аська очень обрадовалась приглашению и, конечно же, сразу дала свое согласие.

– Правда, я ничего не смыслю в футболе! – со смехом добавила она.

– Не расстраивайся, я тоже. Главное в этом деле – уметь орать, топтать ногами и визжать. – успокоила я ее.

1 августа

Женькин матч я сочла прекрасным поводом принарядиться, не то, чтобы очень, но со вкусом. Есть несколько женских секретов, зная которые, можно выглядеть привлекательно в любимой майке и джинсах любимой фирмы. Главный из секретов заключается в том, чтобы и то, и другое было по фигуре. Потом макияж в стиле "свежее утро", никаких украшений, парочка как будто невзначай выбившихся прядей — вот и все тайны.

В таком виде (плюс — чудесное настроение) я, как мы договорились, зашла за Аськой с Яном. Они были уже готовы, и мы тут же отправились на автобусную остановку...

Аська была в пестром коротеньком платице. Свои льняные волосы она собрала в симпатичный пучок, и выглядела еще лучше, чем вчера. О Яне говорить нечего — он был "с иголочки", как всегда. Не удержавшись, я окинула его оценивающим взглядом, и тут же в ответ получила другой взгляд: взгляд оценивающего мужчины.

— Какая ты сегодня штучка! — неожиданно шепнул он мне. Учитывая наши взаимоотношения, я должна была счесть это за пошлость и оскорбиться. Но у меня было слишком хорошее настроение, чтобы обращать внимание на подобные выпады. Тем более в остальном Ян вел себя как джентльмен — подавал руку, открывал двери и так далее. Он даже убрал уменьшительно-ласкательный суффикс из Аськиного имени, и его обращения к ней сразу зазвучали так искренне, что было приятно слушать. Может быть, он изменился, а может, это я поменяла своё отношение к нему? Как будто и то, и другое...

Перед матчем Женька успел подойти к нам. Волнения в нем заметно не было. Мы пожелали ему удачи: я поцеловала его, Аська сказала: "ни пуха", а Ян крепко пожал руку и просто посоветовал "сделать" соперников.

Ян предложил нам с Аськой сесть так, чтобы он почувствовал себя «в малине», Аська тут же радостно кивнула, ну а я решила не возражать, чтобы не выглядеть стервой. У меня сегодня было другое амплуа — это раз, и во время матча всё-равно особо не поболтаешь — это два. Дальше все происходило как на обычных футбольных матчах: голы, крики, транспаранты, кока-кола и пиво. Для меня этот матч отличался от остальных только тем, что одна из белых футболок, бегающих по полю, была надета на моего Женьку. Больше ничего особенного не было, правда, кое-что всё-таки произошло. Было достаточно душно. К счастью, у Яна был с собой полный рюкзак пива и кока-колы. И вот, когда мы с Аськой в очередной раз откупорили по новой банке колы, Женька внезапно перехватил мяч и стал

приближаться к воротам противника. Вот тут мы поняли, что настало самое время болеть и, как по команде, заорали. Женька оценил наши старания и забил смачный гол. На радостях я вскочила на ноги, а банка колы, стоявшая до этого на моих коленях, охладила пыл болельщиков переднего ряда. В мою сторону тут же обернулась лысая мокрая голова, и выражение лица у этой головы было, мягко говоря, недоброжелательное. Пока я соображала, что сказать, облитый субъект уже выдавал запасы ненормативной лексики со скоростью автомата Калашникова.

- Простите. -только и смогла пробормотать я. Но парень меня даже не услышал. Его и без того красное лицо стало почти бардовым. Я не знала, плакать или смеяться. Не успела я выбрать что-то одно, как Ян взял меня за руку, усадил на место и сам заговорил с облитой жертвой. Точнее не заговорил, а резко оборвал поток матерных слов одной внятной и жёсткой фразой:

– Рот ... закрой.

Парень прекратил буравить меня своими злобными пьяными глазками и медленно перевел взгляд на Яна.

– Это твоя девка?– грубо спросил он.

– Моя.– так же грубо ответил Ян.– И она не девка. Перед тобой уже извинились. Теперь, похоже, твоя очередь извиняться.

– Я? Извиняться?! За то, что твоя девка облила меня?!– не успокаивался парень.

– Пойдем, выйдем, а? Я тебя вытру.– в голосе Яна слышалось что-то недоброе. Мышцы на его лице напряглись, а кулаки сжались. Он приподнялся.

Лысый окинул взглядом его фигуру, в ярости стиснул зубы, но почему-то больше ничего не ответил. По-моему, он поступил правильно: он отвернулся.

Ян вернулся на место и открыл себе новую банку пива. Я не решилась сказать что-нибудь. Аська только счастливо улыбалась, как всегда с обожанием глядя на своего героя.

Минут через десять настало время радоваться болельщикам наших соперников. Наш вратарь позорно пропустил мяч в ворота. Ян посмотрел на моё расстроенное лицо и вдруг спросил:

– Как думаешь, наши выиграют?

Я больше прочитала его вопрос по губам, чем слышала. Такой стоял гул. Я зачем-то уставилась на свои ногти.

– Конечно. А как думаешь ты?

- Я думаю, проиграют. Давай поспорим?

- Поспорим? - удивилась я, но всё-таки уточнила: - На щелбан?

- На поцелуй. - его глаза смеялись, но сам он оставался серьезным.
- Ты думаешь, я почувствую радость от выигрыша?- усмехнулась я.

— Не знаю. Но от проигрыша точно.

«Боже мой, о чем мы говорим!» - подумала я. «Как хорошо, что Аська не может этого слышать из-за шума.» Слышать наших слов Аська действительно не могла, но она видела, что мы наклоняемся друг к другу, чтобы расслышать сказанные нами слова.

Мои глаза встретились со спокойным, уверенным взглядом собеседника. Что творилось в его голове, отгадать я не могла. Может, он меня проверяет?

- Нет, я не хочу спорить. - сказала я.

Ян скользнул взглядом по моей груди, коленям и, вдруг задал следующий, еще более неожиданный вопрос:

— Женька хороший любовник?

— Что??— краска бросилась мне в лицо.

Ян, предупреждая меня, приложил палец к губам. В его глазах мелькнуло что-то, что сложно описать двумя словами. Он посмотрел на меня как на несмышленного ребенка, которого и надо бы наказать, да жалко, так умилительны его проказы.

— Если бы ты была моей, ты бы не краснела от подобных вопросов. - сказал он и в ту же секунду наклонился к моим волосам, так что его подбородок коснулся моего уха, я вздрогнула.

- Парижская роза.— его голос прозвучал тихо, но совсем рядом, так что я отчетливо услышала каждое слово. Я не сразу поняла эту фразу.

Только через несколько секунд до меня дошло: "Парижская роза" — так назывались мои духи.

После этого Ян повернулся к Аське, нежно взял её за руку и до конца матча смотрел практически только на нее и говорил только с ней. Несколько раз они вместе наклонялись ко мне, чтобы о чем-то спросить, но лишь смеялись над моей рассеянностью и ответами невпопад. В моей голове был полный хаос. Как можно объяснить поведение этого странного, и, как мне теперь уже казалось, сумасшедшего парня? Чего он добивается? Стоило мне всего на шаг подпустить его ближе, как он сразу начал вносить в мою жизнь какую-то непонятную сумятицу. Я была в растерянности и в замешательстве. Вроде бы ничего криминального он сегодня не сделал, даже наоборот, предотвратил

назревающее криминальное происшествие, вроде как ничего оскорбительного он даже и не сказал... Я специально задала сама себе этот вопрос: «оскорбили ли меня сегодня хоть какие-то его слова?» И честно сама себе ответила: «Нет.» Я понимала только одно: когда он меня раздражал, всё было гораздо проще.

Самое худшее было впереди – матч окончился вничью. Разочарованы были и болельщики, и игроки. Так уж устроена человеческая сущность, гораздо приятнее, когда есть победители (лидеры) и побежденные (лохи). И не смотря на то, что не логично было в данном случае превозносить лидеров и гнобить лохов, или другой вариант — не признавать лидеров и сочувствовать лохам, мы всё же собрались вчетвером за столиком одного из уличных баров обсудить игру. Женька и Ян окончательно сошлись, хотя, на мой взгляд, это было аномальным явлением. Вышло как-то так, что мы разделились: наши парни общались между собой, а мы с удовольствием общались с Аськой. В разговоре, между прочим, Аська упомянула, что Ян в последние дни приходит очень поздно, потому что нашел себе работу в ресторане. На мой осторожный вопрос, чем он занимается, она ответила, что он помогает на кухне, моет посуду. Платят очень мало и всё, что он получает, приходится отдавать. Под знаком строжайшей секретности Аська сообщила мне, что Ян должен выплачивать деньги за разбитый мотоцикл, так как мотоцикл являлся частной собственностью цирка, а обвинили в произошедшем несчастном случае Яна. Я уже и не пыталась отгадывать, что из этого является правдой.

Единственным человеком, безоговорочно верящим Яну, была Аська. Судя по всему, совсем скоро к ней должен был добавиться ещё один человек., а именно - мой возлюбленный. По дороге домой порядком подвыпивший Женька только и говорил о том, какой классный парень Ян. Я молчала и, кажется, ничего не чувствовала.

Вечером, уже лежа в постели, я внезапно почувствовала себя такой несчастной, что слезы хлынули из моих глаз. Чем были вызваны эти слезы — до сих пор не могу дать определенный ответ. Мне вдруг подумалось о том, как часто я скрываю свои истинные мысли и чувства только затем, чтобы не нарушить привычное течение жизни и не допустить появления новых забот и проблем. Я говорю с друзьями, родителями и знакомыми словами независимой, уверенной, а порой даже высокомерной особы, потому что очень боюсь, что другие вдруг заметят какое-либо проявление моей слабости.

А что же я СДЕЛАЛА такого, что может сделать сильная личность? Да ничего! На самом деле я слабая, неопытная девчонка, которой так нужна поддержка и защита. А где ее взять, если все окружающие меня люди видят только то, в чем я сама их убедила? У меня имидж самоуверенной стервы, решительно и смело идущей по жизни. И никто не пытается погладить кусачую собаку. Я обманывала всех и обманула себя. Женька, Аська, все, не задумываясь, знали: наши отношения зависят от меня. А как бы мне хотелось, чтобы иногда мои капризы и выходки были наказуемы, но только не смирением или обидой. Мне так не хватало порой твердости в словах окружающих. Ведь даже кусачей собаке нужен любящий хозяин. Не только любящий, но именно ХОЗЯИН. Нет, я не имею ввиду ту самую собачью преданность, когда хочется бежать за каждой брошенной хозяином палкой. Всё-таки человеческие, а в частности женские потребности существенно отличаются от собачьих. Речь идет о решениях. Мне не хватало рядом человека, который сам принимал бы решения. И я бы чувствовала, что эти решения самые правильные. Как ни печально, но мой возлюбленный не годился на подобную роль, и мы оба об этом знали. Размышляя таким образом, я окончательно запуталась, не понимая, что мне вообще надо. Я только не могла себя больше обманывать: из моей головы не выходил Ян, его слова, взгляды и дерзости. Никто никогда не позволял себе так обращаться со мной! Он словно видел меня насквозь, задевал самые болезненные места, читал самые сокровенные мысли, опошлил все мои достоинства потому, что по его словам, они все равно терялись среди моих недостатков. Самое ужасное – я видела, что это правда. И вот, я, желавшая, чтобы меня поняли, в кровь кусала губы, понял и раскусил меня не тот человек. Я ведь хотела одновременно понимания и любви, а не понимания и издевательства. Возможно, Ян видел все мои недостатки только потому, что сам обладал такими же. Это женщину называют стервой, а мужчина, как называется такой мужчина? Стервец? Как-то смешно звучит...Но я чувствовала, я знала, что мы похожи.

Я осознавала, что должна запретить себе думать о Яне, но я не могла этого сделать. Какое-то страшное болото затягивало меня, а я даже не могла сопротивляться. И что характерно, у меня не возникало мысли рассказать о своих мучениях Женьке или Аське. Потому что они не поверят, что это рассказ обо мне. Та Сашка, которую знают и любят они — совсем другая. Так же как и Ян для них — совсем другой человек. Вот с такими ужасными мыслями я

заснула.

Вероятно, прошло не так много времени, с момента моего засыпания, как вдруг я резко подскочила и села в постели. Момента́льно проснувшись, я поняла, что меня разбудили странные звуки. Прислушавшись, я поняла, что кто-то со стороны улицы кидает в мое окно мелкие камешки. Я соскочила с кровати. Вдруг всё прекратилось. Приснилось? Опять тихий удар. Я осторожно выглянула из-за шторы. За балконом никого не было видно. Уж не знаю, что это было – безрассудное любопытство или отчаянная смелость, но я вышла на балкон. Где-то трещал сверчок, больше ничего.

– Кто здесь?– тихо спросила я, уверенная, что никакого ответа не последует. Неожиданно чьи-то руки зацепились за край балкона, и я, не успев от страха даже закричать, прижалась к стене. Подтянувшись на руках, на балкон не очень ловко запрыгнул Ян. Его волосы были непривычно растрепаны, а глаза лихорадочно блестели в темноте.

– Ничего, что я так поздно?– возмутительно спокойно осведомился он и, рассмотрев меня, добавил.– Я, кажется, тебя напугал.

Я поняла, что он пьян и, немного придя в себя, прикрыла балконную дверь, чтобы случайно не разбудить родителей.

- Что ты здесь делаешь? Сейчас, наверное, уже два или три часа ночи!– проговорила я, вкладывая в свои слова как можно больше возмущения. Он порылся в кармане и вытащил свой сотовый телефон:

- Пятнадцать минут четвертого. Уже почти утро. - сообщил Ян.

Иди домой, ты должен давно спать. - сказала я, начиная чувствовать озноб.

– Не тебе решать, что я должен, а что не должен,– сказал он. Язык его ворочался с трудом. Я видела, что препираться с ним нет смысла.

– Ну, хорошо,– более дружелюбно сказала я.– рассказывай, что случилось и уходи.

– Я хочу поговорить с тобой.– заявил Ян.

– Именно сейчас? А вот я хочу вернуться в постель!– мои нервы почему-то искрились от напряжения. Ян улыбнулся:

– А можно мне с тобой?

Может быть эта фраза, а может что-то еще заставило меня посмотреть на себя со стороны: внезапно я увидела, что стою перед чужим пьяным парнем в короткой ночной рубашке в три часа ночи у себя на балконе. Ян, словно угадав мои мысли, тут же продолжил свои отвратные наблюдения:

– Я так и думал: чем меньше на тебе одежды, тем приятнее на тебя смотреть. Может, это был и комплимент, но слишком уж дерзко он прозвучал. Ещё раньше, чем я это осмыслила, моя рука вlepила Яну смачную пощечину. Теперь я уже действительно дрожала. В следующую секунду случилось что-то сверхъестественное. Ян упал передо мной на колени и прижался горячим лбом к моим голым ногам. Меня словно ошпарило, я практически вжалась в стену.

– Не прогоняй меня, пожалуйста.– его слова звучали совершенно внятно и твердо, как будто моя пощечина отрезвила его язык. Я молчала, он, наверное, почувствовал, что я дрожу, и поднял голову:

– Тебе холодно? - спросил он. И тут же сам ответил на свой вопрос: - Нет. Ты... боишься.

– Что ты делаешь?– срывающимся голосом спросила я. Встретившись с его взглядом, я невольно сжала кулаки, и ногти больно впились в ладони: он смотрел слишком откровенно. Казалось, он замечал каждое мое движение – не только внешнее, но и внутреннее и, увидев в моих глазах мольбу, он спросил с какой-то беспомощной злобой:

– Ты думаешь, я ничего не соображаю?

Я не отвечала и действительно думала так.

– Да, у тебя есть повод так думать.– продолжал Ян.– Но я всё понимаю. Алкоголь, он ни хрена не помогает! Ни-хре-на! – он смотрел на меня до жути блестящими глазами.– Я пришел, чтобы ты знала...

Я сделала движение в сторону балконной двери, но Ян тот час схватил меня за руку. Меня снова обожгло от его прикосновения, а он продолжал держать мою руку в своей.

– Не надо убегать.... Ты ведь хочешь остаться, я знаю.

– Оставь меня в покое!– я с трудом переводила дыхание.– Не забывай, что завтра, когда ты протрезвеешь, ты можешь очень пожалеть о сегодняшнем! Ян поднялся на ноги и подошел ко мне так близко, что я почувствовала тепло его тела.

- Я никогда ни о чем не жалею,– сказал он и осторожно, но решительно обнял меня с такой силой, что я просто как тряпичная кукла повисла у него на руках. В следующее мгновение он уже бесстыдно, но отвратительно нежно целовал меня. Наверное, часть алкоголя передалась мне... Эти поцелуи обжигали до боли, и мне казалось, что я слышу стук своего собственного сердца. И только

когда горячая рука Яна скользнула по моему почти не прикрытому бедру, разум и силы стремительно вернулись ко мне. Уперевшись в грудь Яна обеими руками, я изо всех сил оттолкнула этого сумасшедшего от себя. Он отлетел к противоположной стене маленького балкона, его голова поникла. И вдруг... я услышала тихий смех. Ян смеялся. Этот смех даже не удивил и не испугал меня. Он был больше похож на плач, но всё-таки этот чокнутый смеялся. - Как это по-женски. - сказал он, подняв на меня глаза и улыбнулся: - Всё должно быть совсем не так? Согласен. Будет.- сказав это, Ян повернулся и удивительно ловко, словно вовсе и не был пьян, одним прыжком оказался за пределами балкона. Я не помню, как дошла до кровати, упала на одеяло и тихо заплакала.

2 августа

У нас с Аськой предстоял тяжелый серьезный разговор (это решение было принято мной к рассвету), не смотря на всю жестокость содержания этого разговора, я считала его необходимостью. Моя подруга должна знать, что происходит у неё за спиной. Как-нибудь вместе мы справимся с происходящим.

Я надеялась, что Аська позвонит или зайдет, но этого почему-то не случилось. Звонить ей мне было некуда, а идти в общагу было не самым лучшим вариантом. Я наизусть знала каждое слово, которое скажу Аське, но с каждым часом приближался вечер, и уменьшалась вероятность появления моей подруги. Женька тоже "бросил" меня. Он позвонил и сообщил, что Вадик (его лучший друг) попросился прийти поработать, так как компьютер Вадика поймал какой-то жуткий вирус, а у Вадика завтра важный вступительный экзамен, и без интернета не обойтись. Лучший друг Женьки пытался поступить в медицинский институт. За его плечами уже было медицинское училище. Он ужасно любил рассказывать о лабораторных экспериментах, о неудачных операциях и прочих вещах, от которых шел мороз по коже. В общем, как я поняла, без пива, без друга и без интернета в медицинских терминах Вадика не разобраться, и работать им с Женькой предстоит до глубокой ночи. Если честно, я даже обрадовалась, что мы с Женькой сегодня не увидимся. Я только посоветовала им с другом плодотворной работы без последующей головной боли и положила трубку. Чтобы покончить с каникулярным

бездельем и неотступными мыслями, я решила заняться общественно-полезным трудом и за вечер вымыла все окна в квартире. Родители с удивлением смотрели на меня, и я подумала, что, видимо, подобными вещами надо заниматься почаще...

3 августа

Утром, когда я еще валялась в постели, пришла сияющая, свежая Аська. Взглянув на нее, я почувствовала прилив жалости и огорчения: мне не хотелось убивать эту распутившуюся любовь к жизни несколькими горькими, хотя и правдивыми словами. Но я приняла твердое решение и уже собиралась начать разговор, как вдруг Аська бросилась ко мне на шею и едва не задушила.

– Сашка! Сашенька! Какая я счастливая!– кричала она, целуя меня то в одну, то в другую щеку. Я молча смотрела на нее, понимая, что уже не помню ни одного слова из моей тщательно заготовленной речи.

– Посмотри!– продолжала Аська, отстраняясь от меня и вытягивая вперед правую руку. На ее тонком безымянном пальце сверкало прелестное кольцо с рубином.

– Это подарок Яна. Вчера был год, как мы познакомились.– заключила она. Дело приняло непредвиденный оборот. Я должна была немедленно что-то сказать, но мне мешал странный комок, застрявший в горле, и все, что я смогла из себя выдать, уложилось в одно несуразное слово:

– Поздравляю.

Аська засмеялась, глядя на мой растерянный вид.

– Ты еще не проснулась?– весело спросила она и, снова полюбовавшись кольцом, добавила.– У меня ещё никогда не было украшений. Ты ведь знаешь, я их и не любила. Но оказывается, это так приятно — получить подарок от НЕГО. Если бы ты видела, какой вечер он устроил для меня вчера! Мы катались на теплоходе, гуляли по парку, ужинали в ресторане, а потом до утра гуляли по набережной. Это было так...чудесно.

Я улыбалась, но я чувствовала какую-то ноющую боль в груди. "Боже, какой же она ещё ребенок".- подумала я, глядя на воодушевленное лицо подруги.

Аська же продолжала делиться впечатлениями:

– Я совсем забыла, что у нас праздник. Я ведь ему ничего не подарила, но он

сказал, что я сама для него лучший подарок. Если бы ты увидела, Сашенька, какой он хороший, ты бы никогда больше не думала о нем плохого! Он самый-самый лучший! Я даже не верю, что это со мной...— Аська запнулась и вдруг, уронив голову на мою подушку, всхлипнула и разрыдалась. Теперь я действительно проснулась, я больше не чувствовала ничего, кроме жалости к моей бедной Аське, я видела только её вздрагивающую голову и готова была плакать вместе с ней. Но вместо этого я стала ее успокаивать.

— Ну что ты,— говорила я, глядя ее по волосам.— я не вижу причин для слез.

— Я так боюсь,— сквозь слезы проговорила Аська,— потерять все это. Я не хочу, чтобы это кончилось! Не хочу потерять его!

Я смотрела на маленькое, незащищенное существо новыми глазами. Я видела, что никогда не буду такой счастливой, как она.

— Ты не потеряешь его. Ты нужна ему.— и больше я ничего не смогла сказать.

После разговора с Аськой мои мысли изменились совершенно. Я, как прежде не могла вспомнить, когда подавала Яну повод так вести себя со мной, но теперь во всем винила только свои эмоции. Я едва не разрушила отношения двоих близких людей, придав такое значение поведению пьяного, плохо соображавшего человека. Ну, странный он, даже в трезвом состоянии, что же поделать? Я понимала, что в чем-то сама виновата. Главное, Аську он любит и боится обидеть... Я едва не пришла к выводу, что мне надо куда-то уехать, и, в конце концов, пожалев свои взмокшие от напряжения мозги, постаралась отвлечься чтением женского романа. Вот только роман не увлек меня насколько, мне было так тоскливо, что хотелось напиться. Но я знала, что потом будет ещё хуже. Поэтому я нацепила наушники от плеера и завалилась на кровать. Из наушников звучали мои любимые песни, и я подпевала их во весь голос, не боясь что кто-то меня услышит.

9 августа

Прошла следующая неделя, оказавшаяся для меня трудовой. Я не вылезала с дачи, и сегодня мы с мамой закончили полоть последнюю грядку. Как ни странно, занимаясь физическим трудом, я по-настоящему отдохнула. В конце недели я чувствовала себя полной сил, загорела и готова была бездельничать оба выходных дня.

Не успела я вернуться домой, как представился прекрасный случай

осуществить мои планы. Позвонила Аська, спросила, как я собираюсь провести субботний праздничный вечер и очень удивилась, узнав, что я понятия не имею, какой завтра праздник. Я действительно совсем забыла про День города. Тут же мы обо всем договорились: в шесть часов встречаемся возле кафе и едем в парк. Поболтав еще минут десять, мы распрощались до субботы.

Не откладывая на потом, я набрала номер Женьки. Он не стал меня слушать, бросил трубку и менее чем через полчаса явился свежевыглаженный и соскучившийся. Разумеется, он с радостью принял мое предложение.

Вечером, когда начало темнеть, мы увидели на небе маленькую хвостатую комету. Может быть поэтому, на следующий день все перевернулось с ног на голову.

10 августа

Все субботнее утро я была в предвкушении вечера и вдруг в пять часов, когда я уже вертелась перед зеркалом в своем новом летнем костюме, раздался телефонный звонок, и Женька до невозможности серьезным голосом объявил, что раньше девяти не освободится. Столь неожиданное заявление он мотивировал довольно абстрактно. Ему, видите ли, позвонил Жуков, у него неприятности, он ему ужасно нужен, подробности позже. Прекрасно! Мне, значит, он не нужен! Точнее, Жуков ему важнее, чем я! Меня захлестнула обида. Да как он может так поступать со мной?! Я уже собиралась выплеснуть на Женьку весь поток моих отрицательных эмоций, когда он снова заговорил каким-то странным усталым голосом :

– Пойми, это действительно очень важно. Идите, как мы договаривались. Как только я освобожусь, я найду вас. У тебя будет с собой мобильный. Я позвоню. Не делай только из этого проблему, я тебя очень прошу.

Я всё ещё злилась, но скандалить отчего-то передумала и только молча сопела в трубку.

– Заинька, ты где пропала?– забеспокоился Женька.– Ты не обиделась? Ты ведь у меня умница, правда?

- Я постараюсь хорошо развлечься,– как можно прохладнее сказала я и бросила трубку. Женька тут же перезвонил. Но я не ответила. Меня вдруг обожгло подозрение: не принаряжается ли сейчас перед зеркалом для него

еще одна "заинька"? Кто знает? Теперь это уже была не обида, а ревность. «Стоп!»- подумала я. -»А вот это уже перебор.» Тут снова зазвонил телефон. Я включила громкую связь.

- Сашуль, - позвал Женька.

- Да?

- Ну, извини, что так получается. Ну, не злись.

К своему собственному удивлению я уже совсем успокоилась и поэтому чистосердечно призналась:

- А я и не злюсь. Надеюсь, что всё-таки увижу тебя сегодня.

- Обязательно. - пообещал Женька. На этом наш разговор завершился, я ещё раз оглядела себя в зеркале и, не обнаружив изъяна, поспешила из дома, так как к назначенному времени уже собственноручно опоздала.

С опозданием на десять минут, я подходила к кафе. Невозможно одним словом описать то впечатление, которое на меня произвела следующая картина: за одним из столиков под открытым небом сидел и покуривал Ян. Перед ним стоял стакан какого-то недопитого коктейля. Увидев меня, Ян приветливо улыбнулся и, поднявшись навстречу, молча вложил в мою руку тщательно свернутый лист бумаги.... Я развернула записку. Пробегая глазами строчки, я уже чувствовала, как рушится моя жизнь. Аська извинялась передо мной и Женькой, что не может составить нам компанию, но просит не оставлять без внимания своего мальчика (как трогательно!). Она неожиданно заболела: ничего страшного, но, к сожалению, ей не до прогулок. «Счастливого отдохнуть» - так заканчивалось послание подруги. Говорят, всё, что случается — к лучшему. Тогда, стоя с аськиной запиской в руках, я искренне в этом усомнилась. Скомкав бумагу, я посмотрела на Яна и мрачно проговорила: — Женька тебе записку не написал. Счастливого повеселиться!

Я развернулась и пошла в обратную сторону. Ян догнал меня и зашагал рядом.

— У Женьки тоже проблемы с желудком?— спросил он через несколько минут.

— Он занят.— я почему-то даже не нагубила.

— Понятно. Значит, ты приходила сказать, что для тебя праздник отменяется?

— А ты будешь праздновать в то время, как Аська одна дома, больная?

— Во всяком случае, домой я идти не могу.— заявил Ян.

— Почему?— любопытствовала я. Он усмехнулся:

— Как же плохо ты знаешь свою подругу. Она не позволит, чтобы над ней

сидели! Её, вроде как, всего лишь немного тошнит, наверное, переела яблок. Соседка вчера целое ведро ранеток принесла. Но мы собирались сегодня гулять, значит, я обязан гулять, пусть даже мне этого не хочется. Иначе она соберется и пойдет со мной, а потом уже виноват буду я. И попробуй ее переубедить!— на его лице появилось выражение досады.

— Глупость!— слетело с моего языка. Ян снова усмехнулся.

— Ну почему же сразу глупость? Может, это любовь?

Неожиданно впереди раздался хлопок, и в воздухе блеснула чуть заметная зеленая звездочка. Кто-то уже испытывал пиротехнику. Мы с Яном, как по команде, остановились, словно этот звук преградил нам путь. Потом я не сразу поняла, что мы уже несколько секунд просто молча смотрим друг на друга. Ян еще не раскрыл рта, а я уже знала, чем закончится этот разговор.

— Куда пойдем?— спросил он. От меня не требовалось глобальных решений, мне оставалось только уточнить нюансы. Я чувствовала, как розовеют мои щеки, и предательски стучит сердце. Ян медленно согнул руку в локте. Что-то невидимое и безрассудное позволило мне ответить на этот жест, и моя ладонь легла на его теплую руку.

В парке было более чем оживленно. Создавалось впечатление, что весь город собрался здесь. Я не любила столпотворений, и это, видимо, отобразилось на моем лице.

— Сейчас мы найдем место посвободнее. — пообещал Ян.

Людской поток двигался в направлении центральной части парка, где должно было быть представление. Мы тоже зашагали в ту сторону, стараясь держаться чуть в стороне от движущейся толпы. Наконец, перед нашими глазами предстала украшенная шарами и серпантином сцена. Приближаясь, я услышала неизвестную мне ранее песню. Пела девушка. Я не запомнила слов, на самом деле половину из них я просто не расслышала, но песня была удивительно красивая, обжигающая и поразительно соответствовала моему душевному состоянию в тот вечер. Из-за толпы людей, обступивших слишком близко сцену, исполнительницу не было видно. Вокруг меня все кружилось, пело и будоражило нервы. Вдруг Ян, не спрашивая моего позволения, поднял меня и посадил к себе на плечо; так делали многие парни со своими девушками, и это казалось чем-то естественным. Я увидела живое море вокруг нас и маленькую, но яркую сцену. Обладательница чудесного голоса

уже улыбалась и раскланивалась, её провожали аплодисментами. На один миг перед глазами возникла другая картина – из детства: я, взволнованная, но гордая своей ролью, первоклашка с огромным белым бантом, сидя на плече старшеклассника, поднимаю колокольчик, перевязанный красной лентой, и раздаётся мой первый школьный звонок. Тогда я так волновалась и радовалась, что именно мне выпала честь пронести над головами моих одноклассников золотистый колокольчик. Сейчас я была взволнована не меньше, но это было совсем другое волнение. Ян не был теперь таким, каким я видела его раньше. Теперь его слова и взгляды больше не были двусмысленными. Его близость согревала, но это тепло не было спокойным. Я слышала, как пульсирует у виска, и каждое мимолетное прикосновение, каждый взгляд Яна действовали на меня, как глоток крепкого вина. Я хорошо понимала, как называется происходящее со мной, но думать об этом не хотела. Помню точно: я ничего не думала. И все-таки я знала, что это не должно быть реальностью. В реальности у нас другое распределение ролей. Сложно сказать, какая моя жизнь была настоящей: та, где Женька был моим парнем, Аська была моей подругой, а Ян был парнем моей подруги, или эта, сегодняшняя, больше похожая на помешательство. И эта сегодняшняя жизнь стремительно меняла жизнь вчерашнюю. Любой праздник проходит, и начинаются будни. Но эти неизбежные будни могут тянуться, а могут лететь в ожидании следующего праздника. Мне хотелось задержаться в этом ослепительном дне, в этом празднике рядом с человеком, который за время нашего знакомства вызывал у меня столько противоречивых чувств, кроме одного единственного— безразличия. И я видела, что совсем не безразлична ему. Мне достаточно было видеть его глаза. Я знала, что обстоятельства играют против нас, и наши желания повлекут за собой множество неприятностей и, возможно, даже несчастий. Но никто из нас не хотел жить завтрашним днем. Казалось, мы не делали ничего предосудительного. Мы веселились, и я не помню, когда я в последний раз получала такое наслаждение от праздника. Мы танцевали и принимали участие в конкурсах, мы дегустировали вино и шоколад, нам даже с первого раза повезло с лотерейным билетом, и я получила огромного мохнатого зайца с зелеными раскосыми глазами. Но от взгляда любого внимательного наблюдателя, не смогли бы ускользнуть те едва сдерживаемые желания, что сквозили в каждом нашем случайном прикосновении.

Темнело, и людские потоки теперь направлялись к берегу реки. Совсем скоро должен был начаться салют. Мы тоже пошли вслед за шумной, взбудораженной весельем, толпой. Благодаря Яну, нам удалось пробраться совсем близко к воде. С реки дул прохладный ветер, от которого я поёжилась. Ян протянул мне трофейного зайца и, подойдя сзади, обнял меня вместе с игрушкой. Это волна тепла, мгновенно пробежавшая по моему телу, сразу согрела меня. И я была тогда абсолютно счастлива в этой маленькой уютной компании.

Наконец, раздался первый пробный залп, на который последовала незамедлительная реакция толпы.

- Урра!!! - первой заголосила компания изрядно подвыпившей молодежи справа от нас.

- Урра!!! Урра!!! - эхом отзывались люди из нескольких разных точек.

Обычно салют проходил в нашем городе по нарастающей. Сначала несколько залпов, потом рисунок на темном небе начинал усложняться, а в финале залпы шли один за другим, так что всё небо было усыпано огненными цветами. Но сегодня было всё по-другому, даже салют. Мне показалось, что грянуло сразу несколько десятков залпов. Всё небо осветилось гроздьями разноцветных огней. Одни из них, поднявшись на высоту, сразу взрывались и таяли, другие ещё какое-то время летали или мерцали в воздухе. Залпы не прекращались ни на секунду. Это сверкающее великолепие, вырастая в воздухе, стремительно приближалась к нам, от чего замирало сердце, и захватывало дух. Может быть, мы стояли слишком близко, потому что порой даже хотелось отбежать назад от ощущения, что огненные цветы вот-вот долетят прямо до нас. Я и не думала, что искусство пиротехники способно вызвать у меня такой восторг. Это захватывающее зрелище длилось не менее пятнадцати минут. И прекратилось так же внезапно, как и началось. Людям, как обычно, этого было слишком мало, и народные умельцы продолжили праздник, используя пиротехнику, купленную на китайском рынке. И не смотря на то, что шума и дыма было больше, чем огня, это всё-равно поддерживало праздничное веселье.

Выбравшись из толпы, мы, не сговариваясь, пошли вглубь парка. Оба, возбужденные зрелищем и близостью друг друга, мы ускоряли шаг, желая найти тихое, уединенное место. На пути нам часто встречались пары, то просто гуляющие, то целующиеся. Мы также прошли мимо какой-то веселой

компании, которая разожгла костер в яме и люди расположившись вокруг огня прямо на траве. При свете костра мы увидели выглядывающий из-за куста край скамейки, и решили, что искали именно ее. Но нам снова не повезло. На скамейке опять целовались. Нас эта парочка даже не заметила. Мы отошли в сторону, чтобы не нарушать уединения влюбленных, и остановились в свете горящего фонаря. Ян заглянул мне в глаза и улыбнулся:

- Ты устала? - поинтересовался он, и моё сердце вдруг испуганно сжалось.

Мне стало страшно оттого, что праздник сейчас закончится. Всё исчезнет. И Ян тоже.

- Нет. Я не устала. Но становится холодно.

Был уже август и, не смотря на теплые летние дни, ночи были довольно холодными.

- Хочешь... костер? - почему-то шепотом спросил Ян. Встретившись с его взглядом, я поняла, что всё только начинается. Я почувствовала, как горят мои щеки, а внутри ноет, словно от усталости ждать. Весь вечер мы оба ждали какой-то развязки, объяснения происходящего. Сначала к этому надо было медленно идти, потом ускорять шаг и, наконец, бежать. Сейчас мы оба готовы были бежать.

И я ответила так же шепотом:

- Хочу.

Ян повел меня за собой так быстро, как будто боялся, что кто-то из нас передумает. Через десять минут парк был позади. Ян поймал такси. Он назвал водителю место, но я не расслышала его слов. Я не спрашивала, куда мы направляемся. Мы проехали несколько кварталов в компании любителя шансона. Такси остановилось на тесной улочке частного сектора, по обоим краям дороги тянулись плотно стоящие друг к другу частные дома. Я ещё никогда не бывала в этой части города. Все происходящее выглядело форменным безумием или как минимум безрассудством. Но мне действительно было всё-равно, куда идти, лишь бы идти с НИМ.

Мы шли вдоль похожих один на другой домов. Наконец, Ян остановился возле какой-то деревянной калитки, толкнул ее, она оказалась заперта. Тогда Ян подошел к дому и, не раздумывая, довольно громко и бесцеремонно постучал в окно. Ему пришлось стучать так несколько раз, прежде чем в доме зажегся свет, а ещё через минуту мы услышали шаги со внутренней стороны двора. Калитка со скрипом приоткрылась, из-за нее нам в лицо ударил луч фонарика.

- А-а, это ты... - проворчал недовольный мужской голос. - Чего тебе?

- Хочу забрать машину. - ответил мой спутник.

Фонарик наконец-то был повернут в сторону, и я смогла, насколько это было возможно, рассмотреть взлохмаченного немолодого мужчину в белой майке и с очень помятым лицом. В тот же момент до меня дошел и запах перегара.

- Сейчас? - в голосе хозяина дома прозвучало не столько удивление, сколько недовольство.

- Да. - твердо сказал Ян. На какое-то мгновение в воздухе повисла тишина. Только где-то, совсем далеко лаяла собака.

- Ты... принес?... - неуверенно начал хозяин. Ян молча и быстро достал из кармана рубашки аккуратно свернутую купюру и протянул мужику в майке. Мужик взял купюру за край, посветил на неё фонариком. Это была тысяча рублей. Деньги исчезли в темноте.

- Айда. - пригласил мужик, и луч фонарика развернулся в сторону дома. Мы зашли на тесный, захламленный двор, и Ян прикрыл за нами калитку.

— Подожди. Только ничего не бойся. Я быстро.— сказал он и зашел в дом в след за мужиком. Ян специально оставил дверь дома приоткрытой, чтобы для меня осталась хоть какая-то полоска света. И даже тогда мне не пришла в голову мысль о бегстве. Не смотря на то, что я дрожала как осенний лист, убегать я не хотела.

Ян вернулся с ключом и фонариком.

-Посвети мне, пожалуйста. - попросил он и протянул мне фонарик.

Отперев ржавый гараж, Ян вывел из темноты удивительно новый шикарный мотоцикл. Даже в темноте я видела цену этой игрушки. Вернувшись в гараж, Ян принес два шлема, две куртки — одну кожаную, другую толстую, стеженую и рюкзак.

- Тебе какую?- спросил он, держа передо мной обе куртки.

- Любую. Только скорее, - сказала я. - Мне холодно.

- Возьми лучше эту. - предложил Ян и набросил на мои плечи толстую стеженку. Я просунула руки в рукава, куртка оказалась слишком велика, и рукава пришлось закатать. Ян быстро надел кожанку и шлем.

- Давай, помогу. - сказал он и сам надел на меня второй шлем. Защелкнув застежку, Ян оглянулся на лежащий возле мотоцикла рюкзак.

Рюкзак придется повесить тебе на плечи. Если он будет на моих плечах, он помешает тебе держаться. Но он не очень тяжелый. - успокоил он скорее себя,

чем меня и , заметив, в моих руках мягкого зайца, добавил: - Ещё зверь. Куда его?

- Он тоже легкий. - сказала я, почему-то не желая расставаться с зайцем.

-Можно привязать его чем-то к рюкзаку. Ян снова пошел в гараж и, покопавшись там, вернулся с обрывком бельевой веревки. Так, благополучно, заяц оказался соучастником нашего безумства. Ян водрузил мне на плечи рюкзак, который даже вместе с зайцем оказался гораздо легче привычной для меня сумки с учебниками. Затем он вывел машину со двора и спрятал фонарик в карман куртки.

– Ты не боишься?- услышала я из темноты голос Яна.

Нет, я не боялась. Я была в напряжении, и это напряжение было вызвано совсем не предстоящей ездой на мотоцикле.

– Это твоя машина? - поинтересовалась я вместо ответа.

– Моя. - в его коротком ответе чувствовалась искренняя любовь к этой машине и уже тогда в меня вселилась уверенность, что он отлично умеет управлять этой игрушкой. Не испытывая ни малейшего страха, вслед за Яном я села на мотоцикл. Машина тут же взревела в ночной тишине и, едва я успела ухватиться за Яна, сорвалась с места.

Мы проехали по ярким центральным улицам, потом через мост, светящийся ночными огнями, и, вскоре, город остался за нашими спинами. Я держалась за Яна и пряталась за него от встречного ветра. Прижимаясь щекой к его спине, я чувствовала тепло под вздуваемой ветром кожанкой. И моё сердце снова стучало в каком-то бешеном восторге.

Наконец, мотоцикл свернул с шоссе на проселочную дорогу и, обогнув рощу, заглох на поляне. Ян, не слезая с мотоцикла, обернулся, словно только сейчас его осенило: я могла потеряться по дороге.

- Замерзла?– Его голос прозвучал хрипло.

- Не очень. Но я немножко оглохла. - я засмеялась, слезая с мотоцикла и потирая уши.

Ян помог мне снять рюкзак и зажег фонарик.

- Сейчас соберем веток, и будет всё так, как ты хотела. - сказал он.

- Как именно? - осторожно уточнила я.

- Тепло.- улыбнулся он. - И будет костер.

Мы подошли к окраине леса и, с помощью фонарика, быстро насобирали сухих веток и даже нашли обломок старой коряги. Сложив ветки в кучу, мы

стали искать подходящее место для костра.

- Смотри, как нам везет! - вдруг воскликнул Ян, и луч его фонарика замер. Он освещал место, на котором когда-то кто-то уже разжигал костер. Здесь мы и решили разжечь наш очаг. В рюкзаке Яна нашлась бумага, а в кармане зажигалка. Наш костер быстро разгорелся, и вскоре уже слышалось мерное потрескивание сухого дерева. Мы грели озябшие руки и, время от времени, подбрасывали в огонь сухие ветки. Я сняла куртку, расстелила ее на траве и села.

- Согрелась? - улыбнулся Ян, и последовав моему примеру, тоже сел, расстелив свою куртку. В свете костра его глаза блестели также, как в ту ночь, на балконе. В моей памяти пронеслось всё, что случилось тогда, и мне внезапно стало жарко.

- Откуда у тебя такая классная машина? - спросила я, чтобы отвлечь себя от этих воспоминаний.

- Я купил её. Точь в точь такая же, как моя рабочая машина. Я работал в цирке, на мотогонках по отвесной стене.

- Теперь ты там больше не работаешь. — не столько спросила, сколько уточнила я.

- Нет. Было одно происшествие. Я не хочу о нем вспоминать. Но после этого я не мог больше там работать.- проговорил Ян, глядя на костер, и я поняла, что эти воспоминания — не самые приятные для него.

- А кто был этот человек, которому ты дал денег? - задала я следующий вопрос и тут же добавила: - я не слишком много спрашиваю?

- Спрашивай. - разрешил Ян. -Только этого человека я почти не знаю.

Я замолчала. Мне не хотелось допрашивать его. Неожиданно он уронил одну фразу, повергшую меня в изумление.

- Это был мой отец. - сказал Ян. - Но мы плохо знакомы. Его лишили родительских прав, когда я был совсем ребенком. Честно сказать, я всё-таки представлял его совсем другим. А он... он действительно спился.

- А где живет твоя мать? - изумленная услышанным, поинтересовалась я.

- Мать умерла, когда мне было два года. А ещё через год отца лишили родительских прав.

- Извини. - я не знала, что сказать.

- Не извиняйся. - сказал Ян, перевернув палкой охваченный пламенем кусок коряги. Вверх взметнулся пепельный снег.- Я даже не помню свою мать. Да и

вообще, это, в конце концов, жизнь. И у меня всё не так плохо. У меня есть приемные родители, они дали мне всё необходимое. Возможно, это я оказался плохим сыном... Мне хотелось найти своего настоящего отца, познакомиться с ним. Я знал его имя и город. Найти его не составило особого труда. Но только я не смог признаться ему, кто я такой.

- Так он не знает, что ты его сын? - поразилась я.

- Нет. Я сказал, что я его племянник. И ты знаешь, ему плевать, кто я такой. Главное, чтобы были деньги на выпивку. Я опасаюсь, что он и мою машину продаст. - Ян оглянулся на мотоцикл и неожиданно поднялся. - А что мы всё о грустном? Давай, посмотрим, что есть в нашем рюкзаке? - предложил он и, с этими словами, поднял с земли рюкзак. Ян сел рядом со мной и похлопал рукой по жесткой материи рюкзака.

- Что-то жесткое и холодное. Хочешь проверить?

Я потянула за лапу зайца, всё ещё привязанного к рюкзаку и на ощупь исследовала содержимое, скрытое плотной тканью. Ухватив за горлышко бутылку, я выудила её наружу. Это оказался пятизвездочный коньяк.

- Эх, не нашел! - весело прищелкнул языком Ян и я поняла, что речь идет о папаше -алкоголике.

- Ты хочешь, чтобы мы это пили? - с сомнением спросила я. Ян взял из моих рук бутылку и решительно открутил крышку.

- Пара глотков нам не помешает. - сказал он. - Ты всё еще какая-то напряженная. - и протянул мне бутылку — Глотни. Это хороший коньяк. Я неуверенно взяла бутылку и приложила губами к горлышку. Сделав небольшой глоток, я закашлялась. Это была жуткая, обжигающая гадость. Ян улыбнулся и, взяв у меня бутылку, тоже сделал глоток.

- Извини, я не предупредил. Это не надо так сразу глотать. Нужно немного подержать во рту. - объяснил он и снова протянул мне бутылку: - Попробуй так. Я попробовала сделать так, как говорил Ян, и на этот раз жидкость только согрела меня изнутри.

- Расскажи о себе. - попросил Ян.

- Ты всё и так знаешь. - сказала я, пожимая плечами.

- Ты пишешь рассказы? - как-будто подсказал он.

- Это детское увлечение. И оно в прошлом. Сейчас мне некогда. Хватает курсовых.

- Но самые интересные увлечения — детские.

- Наверное, ты прав. Только у кого-то это увлечение проходит через всю жизнь, становится призванием. А у кого-то остается воспоминанием. - я смотрела на огонь и чувствовала, как два глотка коньяка делают своё дело. Моя голова нуждалась в том, чтобы куда-нибудь прислониться, и я положила её на плечо Яна.

- Ты очень здорово играешь на рояле. - продолжила я наш разговор об увлечениях. - И на гитаре тоже.

- А вот это уже заслуга моих приемных родителей. На самом деле я прогуливал музыкальную школу. Мне больше нравилось играть с пацанами в футбол или гонять на велике. - признался Ян. - Не такая уж моя игра на самом деле безупречная. Это я так, для тебя старался.

- Для меня? - я подняла на него глаза и, встретившись с его откровенным взглядом, затаила дыхание.

- Почему? - совсем тихо спросила я. Ян убрал с моего лица прядь волос и осторожно, нежно погладил меня по щеке, его пальцы медленно двигались от моего уха к пульсирующей точке на шее и обратно. Моё учащенное, прерывистое дыхание передалось ему. Мы оба понимали, что больше не в силах отвлекать себя разговорами и чем бы то ни было ещё. Эта страсть была слишком сильной, слишком стремительной, и мы оба больше не могли ей сопротивляться. Я закрыла глаза и в тот же миг почувствовала его губы на своих губах. Мне казалось, я могу воссоздать в своей фантазии ощущения от поцелуя, но я ошиблась: моя фантазия прежде не знала подобных ощущений. Мы слишком долго ждали этой неизбежности, и сейчас наша страсть выплескивалась, фактически причиняя нам боль остротой этих невыносимых ощущений.

Я думаю, это длилось всего несколько минут. И вот она, та самая развязка. Всё закончилось и, глядя в звездное небо, я чувствовала, как ко мне возвращается рассудок.

Моя голова ещё лежала на плече Яна, но я уже словно переместилась в другое измерение. С той же силой, с какой меня тянуло к нему, меня забирали теперь мысли о завтрашнем дне. И они, эти мысли, были настолько тяжелыми, что мне хотелось проснуться и увериться, что происходящее — всего лишь сон. Ян сразу почувствовал произошедшие во мне перемены, я знала это наверняка, но он молчал, ожидая, чем кончатся мои терзания. Возможно, ему нечего было сказать, а может быть он понимал, что все слова для меня сейчас

не имели значения. Я видела, что он абсолютно спокоен, и никаких признаков раскаяния или сомнения в нем не было заметно. Я поднялась с земли, привела в порядок свою одежду, насколько это было возможно, и укуталась поплотнее в куртку. Внезапно я услышала звук, от которого вздрогнула. Это звонил мой сотовый телефон, который был прикреплен к поясу моих бриджей. Дрожащими руками я высвободила мобильник из футляра и взглянула на светящийся дисплей. «Женька! Восемнадцать пропущенных звонков. Но я не слышала ни одного!»

- Я тоже не слышал. - сказал Ян и только тогда я поняла, что моя последняя мысль была произнесена вслух. Девятнадцатый звонок я тоже пропустила. Я даже не представляла, что я сейчас могу сказать своему парню, впрочем, как и завтра и вообще в дальнейшем. И Женька был не единственным человеком, мысли о котором мне причиняли сейчас боль. Была ещё Аська. Такая хрупкая, доверчивая и счастливая. Ещё вчера. Что же будет теперь?

Я сделала над собой усилие, чтобы взглянуть на Яна. Он спокойно курил, сидя на корточках у костра. Его рука слегка дрожала. Мой взгляд уперся в его спину, на которой, из-под задравшейся рубахи, виднелся белый рубец – шрам. Тогда я вспомнила, слова своей подруги о происхождении этого рубца: "Повредил позвоночник..." Мне вдруг подумалось, что, наверное, Аське нравился этот шрам, пусть даже она это и не осознавала. Ведь благодаря появлению этого шрама, она и Ян оказались вместе. "Не оставьте без внимания моего мальчика..." - шутливо просила Аська в своей записке. Какой ужас! Моя бедная Аська не смогла бы и мысли допустить о том, что её лучшая подруга проявит такое внимание к её мальчику. Теперь же у меня было ощущение, что мальчик абсолютно не при делах, и вся тяжесть ответственности за случившееся лежит единственно на моих плечах. Невыносимо!!! Я кусала губы, готовая заорать. Ян, не глядя в мою сторону, принялся тушить костер, забрасывая его землей. Так же, молча, он сложил рюкзак и завел мотоцикл. Я заставила себя прикоснуться к Яну и ухватила за него.

Мотоцикл летел на бешеной скорости. Когда мы въехали в город, городские часы показывали полтретьего ночи. Пять с половиной часов прошло с тех пор, как Женька освободился. Но его «заиньке» было всё-равно, она так легко пошла на предательство, что время просто остановилось. Я готова была к тому, что первую встречу с Женькой, мне, возможно, придется выдержать уже

сейчас. Моя готовность заключалась в том, чтобы просто молчать, не отвечая на вопросы, тем самым создавая впечатление, что я всё ещё обижена. Ян остановил машину возле моего подъезда. Я почему-то была уверена, что Женька ждет меня здесь, возле моего дома. Но у подъезда никого не было. Мне стало легче дышать. Я слезла с мотоцикла, молча сняла с себя шлем и куртку и подала их Яну. Я прятала глаза, не в силах посмотреть ему в лицо. Отвернувшись, я быстро пошла к подъезду. Уже открывая подъездную дверь, я услышала, как Ян негромко назвал мое имя и, помедлив, обернулась.

– Ты забыла зайца.– сказал он, протягивая мне игрушку.

– Оставь себе.– глухо сказала я и шагнула в подъезд. Не знаю, изменилось бы что-то, попытайся Ян меня остановить, поговорить со мной... Но он не сделал этого. Его мотоцикл тут же с ревом сорвался с места и исчез.

11 — 13 августа

Я так и не смогла уснуть в ту ночь. Оставшись одна, в темноте, я попыталась осмыслить своё теперешнее душевное состояние, и вот что поняла: я не хочу терять ни Женьку, ни Аську, они мне нужны. Я должна навсегда забыть Яна, но меня тянет к нему невидимый магнит. И теперь с удвоенной силой. Круг замкнулся.

Как только немного рассвело, я, отыскав свою походную сумку, сбросала в неё самые необходимые вещи. Наверное, у меня не получилось сделать это абсолютно бесшумно, потому что в комнату заглянула сонная мама:

- Ты куда это собралась? - удивленно и даже с легким возмущением в голосе поинтересовалась она.

- К бабушке. Только это, пожалуйста, между нами. Это очень, очень важно, чтобы никто не знал, где я нахожусь.

- Даже Женька? - не поверила мама.

- Особенно Женька. - уточнила я. Мама задумчиво нахмурила брови.

- Ты что-то натворила? - внимательно вглядываясь в моё лицо, спросила она.

- Мне просто надо побыть одной. - уклончиво ответила я, но, заметив, что этот ответ совсем не удовлетворил маму, добавила: - Ничего криминального я не совершила, не волнуйся.

- Вы поссорились? - похоже, она решила докопаться до истины. Но в мои планы это совершенно не входило.

Немножко. Ничего серьезного. Воспринимай это как воспитательный момент. Ну ты же должна меня понимать, как женщина! - пришлось немножко «вильнуть хвостом».

- Ах, вот оно что... - мама, наконец-то расслабилась, и на её лицо вернулось сонное выражение. - В такую рань воспитательный момент. Могла бы и отложить.

- Электрички ходят по расписанию. - напомнила я. - И с утра ехать одно удовольствие, они пустые.

- Когда вернешься? - этот вопрос мама задала уже возле дверей своей спальни.

- Не знаю. Созвонимся. - я протащила сумку по коридору в прихожую и начала обуваться. Мама продолжала стоять на пороге спальни.

- Пока. - я постаралась как можно беззаботнее улыбнуться. Улыбка вышла глупой и натянутой.

- У тебя деньги хоть есть? - вспомнила мама очень важную вещь. Я кивнула.

- Ладно, счастливо. И бабушке привет. - как-то уж очень печально проговорила она. Но у меня не было ни сил, ни желания на дополнительные вопросы и слова утешения. Я хотела только одного: как можно скорее услышать стук колес несущегося по рельсам поезда...

Бабушка встретила меня с такой радостью и заботой, что мне стало стыдно. Я так давно не приезжала к ней. И даже сейчас приехала только для того, чтобы спрятаться. А ведь с ней мне было всегда так легко и уютно. Вот и сейчас я словно снова вернулась в детство. Душистое земляничное варенье, пирожки с ревенем и мой любимый ароматный борщ со свежей зеленью — всё это тут же оказалось на столе, словно бабушка готовилась к моему приезду. Её добрые, не по возрасту лучистые глаза с любовью наблюдали, как я с истинным наслаждением потягиваю смородиновый чай. Лучшие воспоминания моего детства были связаны с моей бабушкой. Она никогда не ругала и не осуждала меня, но её расстроенный взгляд задевал мои чувства гораздо сильнее любых упреков и подзатыльников. Будучи любопытным ребенком, я восхищалась тем, что моя бабушка знает ответ на любой, даже самый сложный вопрос. И сейчас, когда она задавала мне такие простые вопросы, вроде «Как у тебя дела? Всё в порядке?», мне безумно хотелось броситься ей на шею, разрыдаться и всё рассказать. Но я не была больше той маленькой девочкой

со смешно торчащими косичками, которая непоколебимо верила в бабушкино всепонимание и всепрощение. Я отвечала, что всё в порядке, что просто соскучилась и хочу немного пожить у неё. И этот мой ответ был не вполне достоин бабушкиной искренней радости.

Дни потянулись, как один долгий, тяжелый сон. От себя не убежишь. От мира, как оказалось, тоже. Сотовый телефон я предусмотрительно отключила, но междугородний транспорт никто не отменял, и уже на третий день явился Женька. Я собирала вишню, когда услышала, как скрипнула калитка, и знакомый голос бодро поздоровался с моей бабушкой. Моё сердце подпрыгнуло до самого подбородка, рука дрогнула, и из ведра выпало несколько вишен. Ягоды покатались по земле, я машинально наклонилась, чтобы их собрать и рассыпала ещё полведра. «Да что это со мной?! Стоп!» - сказала я себе. - «Соберись и иди к нему! Рано или поздно этот разговор должен произойти.» Подняв глаза, я увидела идущего по тропинке Женьку. Он был в новой светлой рубашке и блестящих на солнце туфлях. Здесь, на фоне слегка покосившихся заборов, заботливо взрощенных грядок и бескрайнего синего неба он казался не только слишком городским, но даже каким-то чужим. И в этот момент я с тоской подумала, что разговор будет не из легких. - Привет. - по его голосу и глазам я поняла, что он чувствует себя виноватым, и от этого моё сердце упало. Если учесть, что до этого момента оно было почти под подбородком, то несложно представить, какую боль мне причинило это перемещение.

- Привет. - ответила я, стараясь вложить в это короткое слово информацию о том, что я на Женьку не обижаюсь и не сержусь. Это не помогло.

- Прости меня. - потупив глаза, как школьник, проговорил он. - Я дурак.

«Только не это!» - подумала я, а вслух сказала:

- Мне не за что тебя прощать.

Женька решил, что мне нужны подробные извинения.

- Жуков всегда выручал меня, и я не мог отказать ему в помощи. - начал оправдываться он. Вадим Жуков, о котором говорил Женька, был его лучшим другом ещё с первого класса. Этот лучший друг постоянно оказывался замешанным в какие-то странные истории. Он обладал просто немыслимым талантом попадать в эпицентр каких-либо происшествий и проблем.

- Его пытались развести на деньги, как лоха. Он не мог решать проблему в

одиночку. Ты же знаешь, как это бывает... - продолжал Женька.

- Я не хочу об этом знать. - я не постеснялась его перебить, потому что выслушивать все эти оправдания было неважготу. Он понял это опять по-своему. Я злось и не хочу его так просто прощать. Всё это я прочитала у него на лице и попыталась его разубедить:

- Ты ни в чем не виноват. - проговорила я, но посмотреть Женьке в глаза так и не смогла. - И я совсем не обижаюсь на тебя. Мне нужно просто побыть одной. Я хочу разобраться в себе. Проблема не в тебе, проблема во мне.

Кажется, всё ещё больше усложнилось. Женька выглядел растерянным и несчастным.

- Что случилось? - в его вопросе уже слышалась паника. - Ты бросаешь меня? Я чувствовала, что нахожусь в том самом углу, из которого бежать некуда.

- Не говори ерунды, пожалуйста. - взмолилась я.

- Ерунды? - Женька завелся с пол оборота. Он занервничал, его пальцы машинально сжались в кулаки. - Но что я должен думать? Ты внезапно уезжаешь, не говоря мне ни слова? И сейчас ведешь себя, как минимум, странно! Объясни, в конце концов, что происходит! - потребовал он. Таким мой Женька нравился мне уже больше.

- Но мне нечего объяснять. - сказала я, внезапно почувствовав спокойствие и уверенность в том, что всё будет хорошо, хотя, возможно, и не сразу, не сегодня.

- Ты думаешь, я слепой? Ты даже не смотришь на меня! - проговорил Женька и, не смотря на то, что жёсткость его тона причиняла мне боль, я испытывала облегчение от уверенности, что решение принято. Я выбрала линию поведения спонтанно, подсознательно и теперь буду её придерживаться. Я не буду врать, но и лить слёзы раскаяния я не собираюсь. Эта мысль помогла мне посмотреть прямо в глаза моему любимому. Этот долгий, спокойный взгляд, что был ответом на его упрек, Женька не выдержал первым.

- Я знаю только одно, - отводя глаза, сказал он. - когда девушка говорит, что ей надо разобраться в себе, она ищет повод для разрыва.

- Женя! - позвала я. - Женя, посмотри на меня.

Он поднял голову, в его взгляде совершенно отчетливо читалось отчаяние.

- Ты мне очень нужен. - сказала я, глядя ему прямо в глаза. Он судорожно сглотнул и нервно взъерошил рукой свои волосы.

- Нужен? - с горькой усмешкой спросил он. - Так в чем же дело? От кого ты

убегает?

- Иногда людям хочется одиночества. Так бывает. Возможно, это сложно понять. Но это не важно. Важно то, что я тебе уже сказала. И уже завтра я приеду. Всё будет, как раньше. Только пообещай мне одну вещь...

Женька молча смотрел на меня.

- Пообещай, что не будешь вспоминать этот разговор. - попросила я. - Как-будто его просто не было.

По лицу Женьки снова мелькнула тень усмешки, он разочарованно покачал головой:

- Мы как-будто чужие. Ты стоишь за метр от меня. И при этом говоришь о том, что я тебе нужен.

Его слова словно вернули меня в реальность. Я увидела тот незримый барьер, что был сейчас между нами и, понимая, что должна сейчас сделать первый шаг и тем самым свой окончательный выбор, шагнула навстречу Женьке, обняла его и спрятала лицо на его груди. Он крепко обнял меня в ответ, и я испугалась, что сейчас расплачусь. Он был взволнован не меньше меня, я слышала, как часто бьется его сердце.

- Хорошо. Пусть всё так, как ты говоришь. - почти шепотом сказал он. - Но ты должна понимать, что между близкими людьми не бывает секретов.

- Я приеду завтра. Ты будешь меня ждать? - несомненно, Женька ожидал услышать от меня другое, но сказанное мной понравилось ему тоже.

- Ты знаешь, что буду. - ответил он. - Но почему завтра?

- Я не могу резко собраться и уехать. Бабушка обидится.

Этот ответ оказался убедительным. Женька отстранил меня от себя и заглянул мне в лицо.

- Ладно. Тогда хотя бы телефон включи.

- У него почти совсем батарейка села, а зарядник я дома оставила. - и на этот раз я не соврала.

- Отшлепать бы тебя за это. - Женька уже шутил, он был снова совсем ручным, направление его мыслей выдавал не только его взгляд. Я подумала, что как-то не совсем удобно целоваться в бабушкином огороде практически у нее на глазах, но противиться нежности моего любимого было уже выше моих сил. Уже в следующую секунду осознав, насколько мы соскучились друг по другу, я ласково, но твердо отстранила Женьку от себя.

- Пожалуйста, нет. Мы увидимся завтра.

- Я умру до завтра. - взмолился он. - И я всегда хотел узнать, как пахнет стог сена.

- Стог сена?! - в глазах Женьки было столько страсти и задора, что их часть мгновенно передалась мне. - А где ты видел стог сена?

- За деревней, в поле. - воодушевился он. - Пойдем, я покажу.

- Интересно. - призналась я. - Пойдем, покажешь. Только я бабушке скажу.

Женька не верил своему счастью, мой побег в деревню обретал для него неожиданно приятный смысл. Я добежала до забора и крикнула бабушке, что мы пойдем прогуляться. Она только улыбнулась и кивнула в ответ. Держась за руки, мы прошли по тропинке через бабушкин небольшой огород, на удивление соседской коровы, пасущейся неподалеку, перелезли через низкий покосившийся забор и, как дети, побежали через поле по направлению к лесу. За этим лесом открывались сенокосные луга. От бега и свежего воздуха мы оба покраснелись и слегка запыхались. Когда мы выбежали из леса и остановились, перед нашими глазами предстало скошенное поле и три стога уже хорошо подсохшего сена. Мы переглянулись и Женька, внезапно подхватив меня на руки, направился к самому большому стогу.

- Не уверена, что это одобрит хозяин. - успела сказать я и в тот же миг, взвизгнув, утонула в теплой ароматной траве. Когда Женька прыгнул следом, у меня возникло ощущение погружения под воду. Мой секундный стэх улетучился, когда я поняла, что могу дышать. Этот аромат душистой, сухой травы сводил с ума. И только сейчас, вдыхая полной грудью этот запах и пьянея от свежего воздуха я вдруг увидела, как красив мой любимый. Я никогда не задумывалась об этом раньше, ведь я любила его не за красивые глаза. Но в тот момент, он, такой разгорячённый, был действительно прекрасен. И в наших чувствах и ощущениях на фоне этой деревенской романтики не было ни капли фальши и недосказанности...

Когда Женька целовал меня на прощанье возле забора бабушкиного огорода, а я обещала, что позвоню завтра сразу, как приеду, был уже поздний вечер. Женька должен был торопиться на последнюю электричку. Мы распрощались и, только когда его фигура исчезла из виду, я отправилась в дом. Бабушка уже готовила постель. На печке теплился заботливо приготовленный для меня ужин — тушеная картошка с мясом в маленьком красном котелке. Я села за стол и подперла голову руками. Я была счастлива сегодня, вне всяких

сомнений, но теперь ко мне снова возвращались воспоминания и сомнения. Это было ужасно: я люблю двух мужчин. Отгонять от себя эту мысль было уже бесполезно. Она переродилась в неоспоримый факт, и теперь моё положение было совсем незавидным.

– Сашенька,– услышала я голос своей бабушки.– что с тобой? Вы поругались? Ничего..., помиритесь. На вот, покушай-ка, ещё тепленькое.– она поставила на стол маленький деревенский котелок. Я перехватила ее горячую шершавую руку и прижала к своей щеке.

– Бабушка! Я — такая дрянь!

– Ну что ты, Сашенька, зачем же так? - ласково проговорила бабушка, садясь за стол рядом со мной.

– Я люблю его!- в отчаянии призналась я.

– Вижу.

– Но я изменила ему!

Шершавая рука погладила меня по щеке.

– Бабушка,– чуть слышно проговорила я,– я не хочу потерять его. Что мне делать?

– Если любишь, – ни секунды не раздумывая, сказала бабушка.– тогда не говори ему ничего.

– Не говорить?– я смотрела на нее широко открытыми глазами.– И как же жить с этим? Это же подло!

– Но ты ведь хочешь быть с ним?

– Хочу. Но всё совсем плохо. Я люблю двоих.

– Неправда. - сказала бабушка, взяв мои руки в свои. - Это сейчас ты так думаешь. Время сделает выбор.

– Но выбора нет. Тот, второй, он — парень моей подруги. Теперь ты представляешь, как всё ужасно?!

– Ужасно? Нет. В жизни всё бывает. Все ошибаются.

– Но я думаю о них обоих.– я не верила, что рассказываю всё это своей родной бабушке.– что мне делать?

Она улыбнулась:

– Это пройдет. Ты сильная. Одной страсти мало, нужно уметь прощать.

Я сжала её руки и посмотрела в глаза человека, который вне всяких сомнений умел прощать и делал это на протяжении всей своей жизни.

- А как самой себя простить?
 - Забыть и жить дальше.
 - А если Женька узнает обо всём не от меня?
- Бабушка покачала головой:
- Разве он поверит не тебе?
 - Ты хочешь сказать, я должна в любом случае молчать? - изумленно проговорила я.
 - Да, если твой парень тебе нужен.

14 августа

На следующий день я вернулась домой.

– Наконец-то, твои друзья нам покоя не давали. Аська последний раз полчаса назад звонила. – уже на пороге сообщила мне мама. Я внимательно посмотрела на неё и, чтобы отвлечь её от воспитательного процесса, напомнила:

– Я же просила не говорить Женьке, где я нахожусь.

Она сделала удивленные глаза.

– Женьке? Ничего я не говорила.

Лжет – поняла я, но это уже не имело особого значения, кроме одного «но»: сложно требовать от своего ребенка безупречной честности, когда ты сам позволяешь себе некоторые отступления от правил. Только мама всё-таки лгать не умела, по-крайней мере, это у неё плохо получалось. Вот и сейчас она вздохнула и, оправдываясь, призналась:

- Твоя просьба была просто абсурдной. Неужели ты думаешь, что это могло прозвучать правдоподобно? Твоя родная мать не знает, где её дочь! Какая ерунда.

- Конечно, мама, ты права. - избавила я её от дальнейших объяснений. - Собственно, я именно этого и ожидала. Спасибо тебе.

- Что значит, этого и ожидала? - уточнила мама, хотя уже поняла меня.

- Я знала, что ты скажешь Женьке, где я нахожусь. И это хорошо. Мы помирились.

- А я никогда для тебя ничего плохого не делаю. - подвела черту мама и внезапно в ужасе спохватилась: - Болтаем тут с тобой! А котлеты уже горят!

Я обедала, когда зазвонил телефон. Трубку снял папа.

- Саш, это тебя.

– Кто?– шепотом спросила я.

Молодой человек.

Я бросила ложку, выхватила у отца телефон и, прошмыгнув в свою комнату, закрыла дверь.

– Женья? Я уже дома! - радостно сообщила я.

Ответом на мою радость было тягостное молчание.

- Алло? Женька, ты куда пропал? - позвала я.

– Привет. Это Ян.– как-то не слишком решительно проговорили на другом конце провода. Мои пальцы судорожно сжали трубку.

– Мы можем встретиться?– спросил Ян уже более решительно, и только теперь я действительно узнала его голос.

Я ответила не сразу, и когда мой ответ прозвучал, я не узнала уже свой собственный голос.

– Нет.

И сбросила звонок. Возвращаться за стол не хотелось: пропал аппетит. Чтобы хоть как-то снять молниеносно возникшее нервное напряжение, я набрала номер Женьки. К моему изумлению, мне никто не ответил. Я набрала номер снова. Тот же результат. Окончательно обескураженная, я вернулась за стол и заставила себя съесть наполовину остывшую котлету.

Я пыталась дозвониться до Женьки в течение следующего часа. Мне настолько не нравились мои собственные предположения по поводу отсутствия моего парня, что я приняла решение пойти к нему домой и во всем разобраться. Меня утешала только одна мысль: возможно, проблема заключается всего лишь в каком-то повреждении на линии. Я начала собираться и уже натянула на себя то самое платье, что особенно нравилось на мне Женьке, когда в дверь позвонили.

- Я открою! - крикнула я и кинулась в прихожую, обрадованная, что Женька пришел сам. Я распахнула дверь и остолбенела. Передо мной стоял Ян. В моем горле словно образовался комок, а все существующие слова внезапно вылетели из памяти. Я ухватила за дверной косяк, потому что мои ноги вдруг перестали меня держать. Но не только это неожиданное появление Яна

так повлияло на мои ощущения. Самым большим шоком было для меня то, как выглядел сейчас этот всегда уверенный в себе и ухоженный парень. Он не был похож на себя. Его всегда тщательно уложенные волосы сейчас беспорядочно падали на лоб и виски, лицо было непривычно бледным, а в серых глазах было столько тоски и необъяснимой муки, что просто сжималось сердце.

– Ты уезжала?– после нескольких секунд молчания, показавшихся мне вечностью, спросил Ян. Его голос испугал меня ещё больше. Мне показалось, что он вот-вот сорвется и начнет кричать. Я вышла на площадку и прикрыла за собой дверь.

- Что случилось? - ко мне вернулся, наконец, дар речи.

– Ничего, я звонил.

– Зачем?

Он, не щадя своих светлых брюк, уселся на лестницу и уронил голову на руки:

- Зачем?– глухо повторил Ян.– А я не знаю. - он поднял на меня глаза, и я обо всем догадалась. Никогда в жизни я больше не испытывала таких противоречивых желаний, как в этот момент. Мне так хотелось, чтобы моя догадка была неверной, но ничуть не меньше я желала, чтобы мои мысли оказались правдой. Только уже и так было всё ясно. Эти глаза не могли обмануть. Не сейчас. Но Ян не знал, что его взгляд был настолько красноречив, и потому я услышала те слова, которых так боялась и о которых так мечтала:

- Я не могу без тебя. - тихо, но вполне отчетливо произнес он.

Я прикусила губу, с ужасом понимая, что это признание вдребезги разбивает мой план дальнейших разумных действий, но я всё же попыталась направить разговор в нужное русло:

– Пожалуйста, Ян... Это невозможно.

Он, не отрываясь, смотрел мне в лицо.

- Тебе было плохо со мной? - когда он задал этот вопрос, я поняла, что даже если отвечу «да», мне никто не поверит. И в первую очередь, я сама.

Нет. - сказала я. - Мне было хорошо.

- Но ты жалеешь о том, что было. - предположил Ян.

- И да, и нет.

Ян грустно усмехнулся:

- Женский ответ. И почему же «да»?

На верхней площадке хлопнула дверь, и это вернуло меня на землю. Мне стало не по себе от мысли, что кто-то может слышать наш разговор.

– Как... Аська?– спросила я вместо ответа. Произнести сейчас имя подруги мне стоило огромного труда. Ян мгновенно изменился в лице: в его глазах я прочитала упрек.

– Козырная карта? - хрипло спросил он. - Не знаешь ты свою Аську!
Его последняя фраза явно требовала дальнейших разъяснений. Но продолжать беседу в подъезде, где каждое наше слово отдавалось эхом, казалось мне невозможным.

- Пойдем в мою комнату. - сказала я и толкнула дверь. Ян поднялся с лестницы и замер. Он не верил в серьезность этого приглашения.

- Пойдем. - твердо повторила я и шагнула в квартиру. Ян нерешительно последовал за мной. Мои родители предусмотрительно закрыли дверь в зал, из-за закрытых дверей бубнил телевизор. Мы прошли в мою комнату. Ян внимательно оглядел моё жилище, рассмотрел плакаты с изображением моих любимых киноактеров, пробежал глазами по книжной полке и остановил взгляд на нашей с Женькой фотографии, стоящей в рамке на моем письменном столе. Не раздумывая, он развернул рамку и поставил изображением к стене. Этот детский жест со стороны Яна показался мне излишним, но я сделала вид, что ничего не заметила.

- Присядь. - предложила я, жестом указывая на диван. Ян присел на край дивана, а я выдвинула из-за стола стул и села напротив.

- Как на допросе. - усмехнулся Ян.

- Что значат твои слова? - спросила я, оставляя его реплику без внимания.

- Какие слова?

- О том, что я не знаю Аську.

Ян молча смотрел на меня. Я почувствовала, как запылали мои щеки, и не выдержала:

- Пожалуйста, договаривай. - взмолилась я. Ян словно очнулся от каких-то совсем других мыслей. Он поднялся с дивана и отошел к окну, видно, не мог говорить об Аське, глядя мне в лицо.

- Аська... - проговорил он. - Она не человек. Таких людей быть просто не может.

- Как ты можешь так говорить?! - возмущенно воскликнула я, но Ян жестом остановил меня.

- Я не знаю, кто она. Может быть ангел, а может быть наша галлюцинация. Не знаю. То, что я встретил её — мне казалось каким-то чудом. Но это было тогда...Я был на самом краю.

Тогда я потерял всё, и жить не хотелось. За один единственный день сломалась вся моя жизнь: я остался без друзей, без работы, без любимой девушки, без здоровья и без смысла жизни...

- Как это случилось? - тихо спросила я, с нетерпением ожидая, что наконец-то узнаю хоть что-то о жизни Яна.

- Это длинная история. - ответил он. - Хотя её можно сократить... Мы работали на аттракционе мотогонок вдвоем, я и мой лучший друг. У хозяина дела пошли плохо, и он сообщил, что вынужден уволить одного из нас. И намекнул, что это скорее всего буду не я. В тот же вечер, во время вечернего представления произошел несчастный случай. У моей машины внезапно отказали тормоза. Думаю, я должен был разбиться. Но мне повезло. Я всего лишь провел три месяца в больнице. Врачи опасались, что я не смогу нормально двигаться. За это время мой друг ни разу не пришел ко мне. Моя девушка, с которой мы встречались дольше года, пришла только один раз, чтобы сказать, что не готова провести свою жизнь с инвалидом. То, что я не мог больше участвовать в мотогонках — было абсолютно ясно. Вот и всё.

- А твои приемные родители?

- Они не знали. - нехотя признался Ян, было заметно, что ему неприятно об этом говорить, но он всё-таки продолжил: - Я ушел от них, как только закончил институт. Они известные люди, и я не хотел мешать их карьере. Они и так пережили много неприятных моментов из-за меня. Было слишком заметно, что я — не их сын. Они такие положительные. Почти как Аська. К тому же я хотел добиться чего-то сам, без помощи их денег. И ещё я хотел найти своего настоящего отца. - он замолчал, задумчиво глядя в окно.

- Но всё закончилось хорошо... - осторожно продолжила я. Ян вздохнул и обернулся ко мне:

- Разве уже закончилось? - спросил он. Я почувствовала, что мои щеки снова краснеют, к счастью, Ян не ждал от меня ответа.

- Выйдя из больницы, я сел в поезд. Здесь, в этом городе, я хотел найти своего отца. Это было последнее, что я хотел сделать в своей жизни. Вот так всё было хреново. - заключил Ян и вдруг улыбнулся: - Это был обычный депрессняк. А потом случилась ужасная глупость: я напился и проехал свою станцию. И что удивительно, проводница не разбудила меня и не высадила. Когда я очнулся, то увидел напротив

себя девушку. Это была Аська. Вот так мы и познакомились. Я не знаю почему, но я был рад, что проехал свою станцию, мне почему-то захотелось поехать дальше с этой странной девушкой. Поезд был полупустым, и проводница даже не взяла с меня денег. Так мы ехали с Аской вдвоём в одном купе. И я рассказал ей всё. Никому никогда о себе не рассказывал, а ей тогда рассказал. Она меня поразила, её мысли и взгляды на жизнь, на людей. Её мировоззрение коренным образом отличалось от моего. Она видела в людях только хорошее, она уверяла меня, что каждая неудача всегда оборачивается счастьем. И что самое поразительное, она действительно верила во всё это. И тогда я, такой разочарованный и отчаявшийся вдруг понял, что кому-то нужен. Теперь я знаю: таким людям, как Аська всегда нужен кто-нибудь сбившийся с дороги, несчастный или просто гнилой, чтобы стать его ангелом хранителем. Понимаешь?

- Не совсем. - призналась я, понимая, что слышу совсем не то, что ожидала.

- Аська любовь — это жалость и всепрощение. Она угадывает мои желания и предупреждает их, она прощает мне всё, она готова на любые жертвы. С ней даже поссориться невозможно! А я не могу жить в окружении этой святости. Я никогда не стану таким, как она! Я совсем не святой, и рядом с ней мне плохо от осознания этого. - он замолчал, увидев мои широко открытые глаза.

- Так ты... не любишь её? - задала я, наконец, тот вопрос, ответ на который вызывал у меня сомнения с первого дня нашего знакомства.

- Её нельзя любить, её можно только боготворить. А я не умею. - ответил Ян. - Мне кажется, я совершаю грех, когда ложусь с ней в одну постель.

- Ты говоришь ужасные, жестокие вещи. - я даже вскочила со стула. - Тебя ведь никто не заставлял жить с ней! - мне не хотелось верить в услышанное.

- Никто. - подтвердил Ян. - Но раньше я был уверен, что люблю её. Теперь я знаю, что ошибался. Она вернула меня к нормальной жизни, и я безмерно благодарен ей за это. Аська — чудесный человек, но я не могу принести ей в жертву свою жизнь. Да ей это и не нужно. Я люблю её, как человека, как друга, но не как женщину.

- Это я во всём виновата. - в ужасе прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Ян не ожидал такой реакции с моей стороны и как-будто испугавшись моих слез, вдруг шагнул ко мне и крепко обнял. Я подумала, что должна вырваться, оттолкнуть его от себя, но так и не сумела этого сделать.

- Нет, нет, даже не думай. Ты ни в чем не виновата. Это всё-равно случилось бы рано или поздно. Ещё до встречи с тобой я уже не был ни в чем уверен. - быстро говорил он, глядя меня по волосам, как хнычущего ребенка. От его близости, слов и нежности

слезы просто хлынули из моих глаз.

- Что же теперь будет? Аська умрет, если узнает... - проговорила я, глотая слёзы.

- Ты не знаешь свою Аську. - услышала я уже знакомую фразу. - Она уже отпустила меня. И умирать не собирается.

- Что? - потрясенная услышанным, я отстранилась от Яна, чтобы взглянуть в его глаза. Он был серьезен и шутить не собирался.

- Я говорил сегодня утром с Аськой. Она всё поняла. И её реакция была опять же нечеловеческой. - объяснил он, вытирая мне слезы.

- Нечеловеческой? - в недоумении произнесла я.

- Да. Главное, чтобы нам было хорошо. Она желает нам только счастья.

- Так ты... рассказал ей про нас с тобой? - мне казалось, я вот-вот потеряю сознание.

- Не совсем. - увидев, как я изменилась в лице, поспешно ответил Ян. - Я только сказал о том, что хочу быть с тобой. Больше ничего.

Надо признать, от его уточнений легче мне не стало. Я высвободилась из его рук и села на диван. В моей голове внезапно мелькнула одна жуткая мысль и я тут же выплеснула её на Яна:

- Ты дурак, да? - почти закричала я. - И ты веришь тому, что она сказала?! Да она уже что-нибудь сделала с собой, пока мы тут трепемся! Я не знаю Аську?! Я знаю её дольше и лучше, чем ты! Она сама мне говорила, что не сможет жить, если потеряет тебя! Понимаешь ты или нет?! Немедленно, слышишь, немедленно, беги к ней! Боюсь, чтобы не было поздно!

Ян был шокирован, я это видела.

- Ты правда думаешь, что она могла бы... - с сомнением начал он, но так и не договорил.

- Когда-то она спасла тебя, за это ты хочешь её убить? - жёстко спросила я и, подтолкнув Яна к двери, добавила: - Поторопись, пожалуйста.

- Ладно, ладно. - растерянно сказал он, выходя из моей комнаты. Закрывая за ним входную дверь, я услышала, как в моей комнате, на столе попискивает стоящий на зарядке сотовый телефон, и едва успела ответить на звонок.

- Саш., привет. - услышала я голос Аськи и несказанно, просто дико обрадовалась.

- Привет, Асенька! - готовая снова зарыдать, но уже от счастья, воскликнула я.

- Я так давно не могу до тебя дозвониться. - как ни в чем не бывало сказала подруга.

- Где ты пропадала?

- Бабушку проведать ездила, часа два только, как вернулась.

- Давай встретимся. Надо поболтать. - сказала Аська. - Прямо сейчас. Можешь?

- Могу. - сказала я, чувствуя такой знакомый легкий озноб, похоже, нервишки-то совсем сдавали.

- Давай возле нашего магазина. Мне как раз хлеба надо купить. Через пятнадцать минут, идет?

- Хорошо. Давай. - согласилась я, и тут же услышала короткие гудки.

Времени на раздумья было немного. Итак, Аська знает, что Ян больше ей не принадлежит. Так же он успел ей сообщить, что его интересую я. Что ещё она знает? Исходя из слов Яна, больше ничего. Но, похоже, то, что она знает — для неё и есть самое ужасное. В любом случае, я сначала выслушаю Аську. Но врать ей я определенно не смогу. Поэтому мне оставалось только надеяться на то самое Аскино всепрощение, о котором говорил Ян. Я собрала по своим карманам все оставшиеся деньги, зачем-то взяла первый попавшийся полиэтиленовый пакет, как будто мне и вправду нужно было что-то купить и отправилась в магазин. Выйдя на улицу, я впервые за этот день сделала полноценный вдох. Как здорово ощущать теплый, но свежий воздух, который ветер бросает тебе в лицо. И все-таки у меня было какое-то тревожное предчувствие. До чего я дошла! Я вздрагивала и оглядывалась, заслышав за спиной шаги. Меня испугала сирена скорой помощи, проехавшей где-то неподалеку. Я невольно подумала, как хорошо, что с Аской ничего не случилось, и я знаю об этом. Меня продолжала тревожить мысль об отсутствии Женьки. Ни домашний, ни сотовый его телефоны не отвечали. «Вот поговорю с Аской и пойду к Женьке.» - решила я. День сегодня выдался не из легких, но я должна была когда-то всё это пережить. За свои поступки нужно отвечать. И лучше ответить за них быстрее. Интересно, застал ли Ян Аську дома? Вряд ли. Она звонила скорее всего по карточке из автомата, у неё до сих пор не было мобильного телефона. Почему у неё его не было? Странно, я только сейчас об этом подумала. Аська всегда экономила, это понятно. Но у Яна были деньги. Почему Ян не купил ей мобильный телефон? Может быть, он не хотел, чтобы она могла найти его в любой момент?

Благополучно добравшись до магазина, я огляделась по сторонам. Подруги нигде не было видно. Я вздохнула и прикинула, чем бы себя занять, чтобы не мучиться в нервном ожидании. Не придумав ничего интереснее, я решила пересчитать свои оставшиеся деньги и wygrебла из кармана платья горсть мелочи. В этот момент чья-

то легкая прохладная рука легла на мое плечо. Я подскочила и увидела незнакомую девушку.

– Это всего лишь я. – засмеялась Аська и, не стесняясь своих эмоций, почти повисла у меня на шее и расцеловала в обе щеки. Я медленно переживала шок. Во-первых, я представляла себе, что подруга, как минимум, в подавленном, а максимум — в плачевном состоянии. Во-вторых, я её не сразу узнала. У нее были темно-русые волосы, черные ресницы, огромные глаза и сочные, ярко напomaженные губы. Кроме того, Аськина юбка не прикрывала колен, а если точнее, заканчивалась дальше от них, чем от пояса.

– Что это? Что ты с собой сделала?– спросила я, начиная приходить в себя. Аська притворно надулась и сделала шаг назад:

– Ну вот. Вместо того, что бы обрадоваться и оценить мой новый имидж, она.... Фу! Всё происходящее напоминало мне какую-то странную клоунаду.

– Новый имидж? Так неожиданно. - растерянно призналась я.- Тебя даже трудно узнать.

- Но тебе нравится? - с улыбкой поинтересовалась Аська. Я видела, что она сама чувствует себя в этом новом облике совсем неуютно, но не хотела её обидеть:

- Очень смело и непривычно. - поспешно подобрав слова, ответила я.

- А пойдем в садик, на участок. Посидим на веранде, поболтаем.– внезапно предложила Аська. Эта непривычная резкость и нервозность в её речи и движениях, как и мои предчувствия, связанные с предстоящим разговором, причиняли мне боль. Мы дошли до детского сада, находящегося неподалеку от магазина и, как дети, легко пролезли через прутья забора. Идея посидеть на веранде действительно была очень удачной. Вокруг зелень, прохлада и тишина, эта атмосфера умиротворения немного успокоила нас обеих.

Первым делом Аська сообщила, что с сентября ей предложили работу в этом детском саду и даже назначили вполне приличную зарплату. Потом она обругала меня за внезапное исчезновение, но о причинах ничего не спросила... Потом воодушевленно начала говорить о том, что приняла решение изменить свою жизнь и решила начать с внешнего вида. Я слушала о том, как у нее все хорошо, и вдруг перебила:

– Ты очень красивая. И без всего этого.

Аська запнулась на полуслове и резко покраснела. В следующий момент по её лицу пробежала тень, но тут же появилась улыбка – театральная, фальшивая.

- Ты и вправду так думаешь? - пристально глядя на меня, спросила она и тут же

добавила: - Я всё поняла. Тебе не нравится.

- Нет, ну что ты?! - я испугалась, что всё-таки обидела её. - Я только хотела сказать, что мне привычнее твоя естественная красота.

- Какая красота? - усмехнулась Аська, и я вдруг увидела в её глазах настоящее отчаяние.- Да я же настоящая уродина! А рядом с тобой меня просто никто никогда и не заметит.

«Вот оно. Началось.»-подумала я, и мое сердце сжалось.

- Ни один мужчина никогда не бросал взгляда мне вслед! - продолжала Аська свою жестокую тираду. - О какой красоте ты говоришь? И зачем ты это делаешь? Ведь ты знаешь, что я — уродина!

- Пожалуйста, перестань... - прошептала я, чувствуя на своих щеках влажные дорожки. Аська замерла с широко открытыми глазами, вдруг обхватила свою голову руками и, всхлипнув, разрыдалась.

- Прости меня, прости... - слышала я сквозь рыдания.

- Нет, это ты меня прости. - сказала я и обняла её за плечи, наши склоненные головы соприкасались, и мы обе почти одновременно всхлипывали. Аська вдруг подняла заплаканное лицо и, размазывая, растекшуюся тушь, спросила:

- Ян тебе уже всё рассказал?

- Не думаю, что всё. - ответила я. Мой страх и мои сомнения внезапно куда-то исчезли. Сейчас я была готова к этому разговору.

- Он, сказал, что любит тебя? - задала Аська более конкретный вопрос.

- Нет, этого он не говорил. - честно призналась я. - Но он сказал, что не может без меня.

- Это одно и то же...Правда ведь, ты не оттолкнешь его, Саша? - с мольбой в голосе произнесла Аська. - Он не переживет этого. У него уже было слишком много разочарований. Скажи честно, он тебе хоть немного нравится? У него есть шанс? Я, потрясенная до глубины души, смотрела на неё. О чем она говорит? Моя подруга просит, чтобы я не отталкивала ЕЁ парня?! Это не укладывалось у меня в голове.

- Это твой парень. - дрогнувшим голосом проговорила я.

Аська покачала головой:

- Нет. И он никогда не был моим. Я тебе об этом давно говорила.

- Я не понимаю... Разве ты его не любишь?

- Очень люблю. И больше всего на свете я желаю ему счастья. А счастлив он может быть только с тобой. - Аська смотрела мне в глаза и я видела, что она говорит на полном серьезе. Для неё всё было логично и определено.

- Ты говорила, что не сможешь жить без него. - напомнила я. Внезапно Аська просияла:

- Теперь смогу. - с какой-то тихой загадочной радостью заявила она.

- Почему «теперь»?

- Я хочу тебе кое-что рассказать. Но ты должна пообещать мне, что никогда не расскажешь об этом Яну.

- Хорошо. Обещаю. - сразу же дала я своё согласие.

- У меня будет маленькая дочка. - светясь от счастья, произнесла Аська.

Я замерла с раскрытым ртом. Неужели я не ослышалась? Аська бережно положила руку на свой плоский живот:

- Помнишь субботу?

Этот вопрос заставил меня вцепиться в скамейку.

- И что?— чуть слышно спросила я.

- Мне было так плохо. Просто ужасно. Тошнота, какая-то слабость.... Одним словом, состояние отвратительное. И так было на следующий день. В понедельник я пошла в больницу... Вот.— закончила Аська.

- Это уже точно? И Ян не знает?! - не поверила я.

Она затрясла головой.

- Нет, конечно! И не вздумай ему сказать! Я так хочу этого ребенка. Но я ни в коем случае не хочу с его помощью удерживать Яна.— ее голос прозвучал на такой ноте, что я не выдержала:

- Почему ты так говоришь?! - воскликнула я. - Такое впечатление, что о себе ты совсем не думаешь. Я только и слышу «Ян. Ян. Бедный — несчастный Ян!» А о себе и о своем ребенке ты подумала?!

Аська в испуге приложила палец к губам:

- Тихо! Ты чего шумишь? Как ты не можешь понять, что с Яном я быть не могу, но от этого я не перестану его любить. И если любишь человека, то желаешь ему счастья. Если Ян узнает о ребенке, он расстроится. А вдруг он решит остаться со мной ради ребенка? Это не правильно. Я так не хочу. Ты не думай, от меня он никогда не узнает. Это точно. Я так хочу, чтобы ты тоже полюбила его, и вы были вместе.— подытожила она. Мне показалось, что я схожу с ума. Или моя подруга свихнулась. Одно из двух.

- Угощайся яблочком.— как ни в чем не бывало сказала Аська и, вынув из сумки два румяных яблока, протянула мне одно. Я взяла яблоко и тупо уставилась на него. Аська с хрустом укусила своё яблоко.

– Ты совершенно точно решила родить этого ребенка? - я, наконец, смогла сформулировать свой следующий вопрос.

Аська на мгновение замерла. Её взгляд был полон недоумения:

– Конечно! - воскликнула она.

Теперь я и сама не понимала, зачем задала такой несуразный вопрос. Мы обе замолчали.... Вдруг Аська уронила оставшиеся пол-яблока и резко перегнулась через веранду – ее вырвало.

Я протянула ей свой платок. Когда она снова села рядом, ее лицо было бледным и испуганным.

– Ну вот, опять.– слабо проговорила Аська и с мольбой посмотрела на меня, словно я могла предотвратить её токсикоз.

– Саша, мне очень важно услышать это от тебя... -каким-то потускневшим, слабым голосом сказала она. - Ты так и не ответила, у Яна есть шанс? Ты смогла бы его полюбить?-она смотрела на меня своими большими отчаянными глазами.

Я соскочила со скамейки и схватилась за голову.

- Ты в своем уме, Ася? Ты хоть понимаешь, о чем ты спрашиваешь? Ты просишь меня связать тебе шарфик, заварить чай или одолжить денег?! Ты понимаешь, о чем ты просишь? Ты просишь полюбить человека! Нет, не так... Ты просишь полюбить твоего парня. Как думаешь, это вообще нормально?! Мне кажется, ты ещё кое-что забыла. У меня тоже есть парень!

- Всё так,– с беспросветной тоской в голосе проговорила Аська, она выглядела абсолютно убитой.– Но ты никогда не говорила, что любишь Женьку, что не можешь без него жить. И я подумала, что может быть есть надежда...

Из всего этого бреда я слышала только то, что меня поразило. А ведь действительно, я никогда не говорила, что люблю Женьку. Я не говорила это не только Аське, но и самому Женьке. Неужели слова могут так много значить для других людей?

Когда я подняла глаза на Аську, она затуманенным взглядом смотрела куда-то в сторону. И тут вдруг я поняла, что у меня есть только одна возможность хоть как-то исправить всё то, что я натворила. Ведь если посмотреть на всё происходящее со стороны, то становилось ясно, что для меня открывался абсолютно легкий, пусть и нелепый выход из сложившейся ситуации. И если даже Аська совсем не сумасшедшая, а просто великая актриса, я должна была об этом узнать.

– Мне нравится Ян. - сказала я, и мне показалось, что мои слова пронеслись эхом по всей территории детского сада. - И мне кажется, я люблю его.

Несколько секунд Аська пыталась понять смысл моих слов , а когда поняла, стремительно бросилась ко мне и крепко обняла.

- Это правда? Правда? Честное слово? - щебетала она, заглядывая мне в глаза.

«Боже мой. Какой бред.» - подумала я, а вслух сказала:

- Да. Но мне кажется, у нас ничего не получится.

- Почему? - не поняла Аська.

- Потому, что ни один мужчина не хочет делить свою женщину ещё с кем-то.

Аська вернулась на скамейку, подняла с земли щепку и принялась что-то рисовать в пыли.

- Я не хотела тебе говорить... но, наверное, я должна... — каким-то расстроенным и в то же время серьезным голосом произнесла она.

- Что именно? - насторожилась я.

- Дело в том, что в субботу, когда был день города, я видела Женьку с другой девушкой.

На меня словно вылили ведро кипятка. Мои ногти до боли впились в мои ладони, а в голове что-то монотонно застучало. Я, не чувствуя ног, добрела до скамейки и села рядом с Аськой.

- Рассказывай. - сквозь зубы потребовала я. Аська с сомнением посмотрела на меня, но встретившись с моим взглядом, всё же решила говорить.

— Мне было плохо, как я уже говорила. И я вышла на общий балкон подышать свежим воздухом. Внизу шумела молодежь. Всё-таки день города, все веселые. Я посмотрела вниз и вдруг среди этой компании узнала Женьку. Это был он, я абсолютно уверена, у меня хорошее зрение. И он был не один. То есть они все были парами. Женька держал за талию какую-то красотку, она была похожа на фотомодел. - Аська следила за выражением моего лица и, прочитав на нем мучительную боль, поспешно добавила: - Ты намного лучше неё, это точно. Она была, честно говоря, слишком вульгарна... В общем, подъехало два такси. И вся компания уехала. Всё.

Наверное, в моем взгляде было что-то ужасное, потому что Аська совсем побледнела.

- Ладно., - сказала я, поднимаясь. - Я пойду.

- Куда? - испугалась Аська и схватила меня за руку.

- К Женьке. Я как-раз к нему собиралась.

- Подожди, - снова попыталась остановить меня Аська. - ты думаешь, он признается тебе во всем?

- Нет, это я признаюсь ему во всем. - зло сказала я. Аська открыла свою сумку и вынула какой-то бумажный пакет:

- Ну, если ты так решила... Только, мне кажется, зря я тебе рассказала об этом.

- Совсем не зря. - успокоила я её.

- Возьми. - Аська протянула мне бумажный пакет. - Но сейчас не открывай. Этот пакет ты можешь открыть только тогда, когда будешь уверена, что хочешь быть с Яном.

- Значит, уже можно открывать? - спросила я, взяв из её рук пакет.

- Нет, сначала разберись с Женькой.- поспешно сказала Аська. Я увидела, как сияют её глаза.

- И не забудь, - напомнила она. - ни слова Яну про ребенка.

- Хорошо. Если ты так хочешь. - пообещала я. Аська подошла и ещё раз обняла меня, как-будто мы расставались надолго.

- Ян никогда не поступит с тобой так, как Женька. - сказала она. - Не переживай. Всё будет хорошо. Вот увидишь.

- Поговорим потом. Сейчас я хочу побыстрее покончить со всем этим... - я сделала шаг в сторону забора. Аська последовала за мной. Я почти бежала, но подруга не отставала от меня ни на шаг. Мы вместе дошли до магазина, здесь наши пути разошлись.

- Всё будет хорошо. - повторила ещё раз Аська.

- Да. - сказала я. - Пока. Увидимся.

Аська ничего не ответила, а только грустно улыбнулась. Я быстро зашагала в сторону женькиного дома. Внутри всё кипело. Я вспомнила, как в тот день, когда ЭТО произошло, я отогнала от себя возникавшую у меня мысль о другой девушке. Как оказалось мысль была, что называется, в точку. Безусловно, я заслуживала такого отношения со стороны Женьки, но об этом знала я, он об этом не знал. К тому же, он первым решил провести тот вечер не со мной. И даже не оправдывая своего поступка и не умаляя своей вины перед Женькой, я чувствовала себя жертвой предательства. У меня и в мыслях никогда не было, что мы с Женькой расстанемся вот так. В моей памяти были только те моменты, которые не допускали мысли о женькиной измене. Я помнила, как долго и упорно он меня добивался, как хорошо было нам вместе и, наконец, ту нашу последнюю, полную самой настоящей романтики, встречу. Я не могла найти объяснения его поступку. К тому же мне было не понятно, почему сегодня он не отвечает на мои звонки. А может быть он и сейчас проводит время со своей новой пассией? От этой мало приятной мысли я ускорила

шаг. Только сейчас я заметила, что поднялся ветер. Он нарастал просто молниеносно и, через несколько секунд, в воздухе уже носились клубы пыли. Похоже, собиралась гроза. В нашем городе уже давно не было хорошего дождя, уже несколько недель стояла тёплая, солнечная погода. И, надо же, так неожиданно и быстро, на город налетел почти что ураган. Мне пришлось придержать своё платье, чтобы меня не унесло на нём, как на парашюте. Странно, но дождь всё не начинался.

Путь к женькиному дому лежал мимо дома моего, и я была очень удивлена, когда пробегая через свой двор, услышала, как кто-то окликнул меня по имени. Я обернулась и увидела почти бегом направляющегося ко мне Жукова — того самого женькиного друга, который должен был быть его субботним алиби. Первая моя мысль при виде Жукова была о том, что я сейчас обязательно расспрошу его о событиях, происходивших в день города. Выражение лица Вадика заставило меня почувствовать беспокойство: он НЕ УЛЫБАЛСЯ. Без улыбки я видела этого парня только один раз, когда он напился на женькином дне рождения и уснул лицом в салате.

– Я уже час тебя ищу. Пошли скорее! – судя по всему, Жуков не собирался ничего объяснять, но я все-таки спросила:

– Что случилось?

- Пошли, пожалуйста! - то ли нервно, то ли раздраженно сказал Жуков. - По дороге расскажу.

Никогда раньше я не видела Жукова таким нервным. Наоборот, он был всегда спокойным, как танк и, казалось, не существовало в жизни таких проблем, которые могли бы вывести его из себя. Я не решилась спорить и молча последовала за ним. Он шел так быстро, что мне приходилось за ним бежать. Возле моего подъезда стояла его "облезлая красотка", так он называл свой древний мерседес, который хоть и давно потерял внешний лоск и величавость, безотказно заводился и мог дать фору многим новым, но беспородным средствам транспорта. Не успела я захлопнуть за собой дверцу, как машина сорвалась с места. Жуков втопил так, что у меня перехватило дух. Прошло пять, а может и десять минут, но он так и не раскрыл рта.

– Может, все-таки объяснишь, куда мы так торопимся?— мне надоело наблюдать за клубами пыли вдоль дороги и ждать, когда Вадим соизволит начать разговор.

– В участок.– не сразу отозвался он и, хмуря брови, добавил: - Женька ухайдохал одного парня, как Тузик тряпку. И по-моему, ты этого парня знаешь.

Я почувствовала, как мои ладони покрываются холодным липким потом.

– Ян?– тихо спросила я, не глядя на Жукова.

– Он самый.

– Их обоих забрали в участок?

Жуков круто повернул и, въехав на стоянку, нажал тормоза. Я едва не пробила лбом стекло, но он вряд ли обратил на это внимание.

– Вылезай. Пошли.

Я вышла из машины. Мы преодолели ступени, и Жуков взялся за ручку двери.

– Только не волнуйся.– сказал он.– У меня здесь брат работает. Женька выпутается. Обещаю.

Я шла за ним, не чувствуя под собой ног. Жуков поздоровался со служителями закона на проходной, показал пропуск, объяснил, что я с ним, и нас пропустили. Мы поднялись на второй этаж и вошли в какую-то комнату. За столом сидел молодой человек в форме. Он выглядел немногим старше Жукова и был очень похож на него.

- Здравсте. - растерянно сказала я, когда брат Жукова (а это вне всяких сомнений был он) поднял на меня глаза. Молодой человек молча кивнул. Жуков, не обмениваясь любезностями, подошел к нему и, кивнув в мою сторону, что-то тихо сказал. Брат тут же поднялся из-за стола и направился к выходу.

- Пройдемте со мной.– бросил он мне через плечо. Я с сомнением посмотрела на Жукова.

- Иди. Я тебя здесь подожду. - сказал он. Брат долго водил меня по бесконечным коридорам и, наконец, остановившись возле одной из дверей, достал из кармана ключ. Открыв дверь, он пропустил меня вперед, а сам вошел следом. В практически пустой комнате, за обшарпанным столом, подперев голову руками, сидел Женька. Кроме стола здесь были только два стула и решетка на окне. От этого жуткого зрелища меня передернуло.

– Копылов, к Вам пришли.– громко объявил братец. Женька резко поднял голову, но увидев меня, снова подпер её руками и устался в стол. Я успела заметить, что на его лице не было и следа от случившейся драки.

– У вас десять минут– сказал брат Жукова, взглянув на наручные часы и, выйдя, запер дверь на ключ с той стороны. Женька продолжал сидеть неподвижно, не отрывая взгляда от обшарпанного стола. Я поняла, что начинать разговор придется мне. Пододвинув к себе второй стул, я села.

– Меня Жуков сюда привез, без объяснений.– насколько смогла прохладно произнесла я. Женька облизал губы, но головы так и не поднял.

– Может объяснишь, что случилось? - спросила я.

Женька, наконец, поднял на меня глаза. В его взгляде было столько ненависти и злобы, что мне стало страшно.

– Мне нечего объяснять.- процедил он сквозь зубы. - Но я с удовольствием послушаю тебя.

– О чем ты говоришь? - я не хотела, чтобы Женька почувствовал моё внутреннее напряжение и оттого говорила громче и резче, чем следовало.

Женька зло усмехнулся:

– А ты не знаешь??? Так спроси свою лучшую подругу.

Я молча смотрела на Женьку и видела чужого человека. Его лицо, искаженное злобой, было неузнаваемо.

- Хватит прикидываться овечкой,– грубо сказал он.– Я всё знаю. Ты трахалась с этим аськиным недоноском!

Он поднялся, оперся руками о стол, и я увидела, как побелели костяшки его пальцев.

Его грубые, произнесенный с беспросветной ненавистью слова, укололи меня в самое сердце. Но после этого в моей душе внезапно наступила пустота. На меня вдруг навалились какая-то невыносимая усталость и безразличие. Я подняла на Женьку глаза и спокойно, почти равнодушно спросила:

- Ну и что?

Женька замер, такой реакции он от меня явно не ожидал.

- Так... - наконец протянул он, судорожно выдыхая. - То есть ты ничего не отрицаешь?

- А откуда вообще такая информация? - спросила я только потому, что действительно хотела это узнать.

- Нужно быть полным идиотом, чтобы не догадаться об этом самому! - сказал Женька, отворачиваясь от меня. - Сегодня я встретил твою подругу и от неё узнал, что в субботу она провела вечер одна. После моего дополнительного вопроса сомнения отпали. Ты была вдвоем с Яном. А чтобы понять остальное, достаточно вспомнить твоё поведение в субботу и после. Ты не отвечала на мои звонки. Ты избегала меня и даже сбежала из города. Надо было быть слепым, чтобы не заметить, как изменился твой взгляд. А потом, после разговора с Аськой, я встречаю этого уроды выходящим из твоего подъезда. Какая ещё нужна информация, чтобы сделать вывод? Твой любовник, между прочим, ничего и не отрицал. - всё это

Женька проговорил уже достаточно спокойно, с металлическим оттенком в голосе, не оборачиваясь в мою сторону.

- И что было потом? После того, как ты встретил Яна? - задала я следующий, волнующий меня вопрос.

- Я спросил, какого хрена он делает в доме моей девушки. Он захотел поговорить. Интеллигент сраный! - Женька повернулся ко мне, в его глазах было презрение. - Мы поговорили. Он сказал даже больше, чем я хотел услышать.

- И поэтому ты начал драку?

- Драку? - глаза Женьки удивленно раскрылись и на губах появилась усмешка. - Разве это была драка? Меня не за что было наказывать. А вот он получил то, что заслужил. Я и ударил-то его единственный раз, но он не смог даже правильно упасть. Жаль.

Я так и не поняла, о чём сейчас сожалел Женька: о том, что случилось или о том, что ему не удалось ударить Яна больше одного раза.

- Где он сейчас? - взволнованно спросила я, и моё волнение, похоже, окончательно его разозлило.

- Волнуешься за своего ублюдка, да? Волнуешься... - и вдруг, наклонившись ко мне, спросил:

- Ну, скажи, скажи, чем он лучше меня?

Я посмотрела ему в глаза и внятно проговорила:

- А ты можешь сказать, чем твоя шлюха лучше меня?

В женькиных глазах мелькнуло что-то странное. Он словно не расслышал моих слов и попытался догадаться об их значении.

- Что? - в недоумении выдавил он.

- Я тоже всё знаю. - без тени мести сказала я. - Где ты был в субботу и с кем.

Женька выглядел сбитым с толку, но через несколько секунд на его лицо вернулось выражение презрения:

- Неудачный ход! - сказал он. - Тебе не в чем меня обвинить.

- Аська видела тебя с какой-то длинноногой особой. - без обиняков сообщила я. На женькином лице появилось выражение изумления, потом он вдруг засмеялся.

- Что? Она видела меня?! Да быть того не может! Твоя подруга просто свихнулась или сослепу обозналась.

- Исключено. - холодно сказала я. - И я верю Аське. А тебе — нет.

В этот момент в двери щелкнул замок, и дверь открылась. Брат Жукова выглянул из-за двери и кивком головы указал мне на выход:

- К сожалению, больше времени пока дать не могу. - сказал он.

- А больше и не надо. - успокоила его я и, повернувшись к Женьке, сказала:

- Счастливо оставаться.

- Никогда не думал, что ты такая сука. - почти не разжимая губ, проговорил он мне вслед.

- Теперь у тебя есть время подумать. - последние слова должны были быть за мной, хотя бы потому, что мне не хотелось оставлять все эти оскорбления в мой адрес безнаказанными. Брат Жукова захлопнул дверь и повернул ключ в замочной скважине, тем самым не давая Женьке возможность ещё что-либо сказать. Я уходила по длинному мрачному коридору, чувствуя, как рассыпается на мелкие кусочки моё прошлое, моя любовь, моё доверие. И каждый из этих маленьких кусочков, прежде чем отлететь в сторону, больно царапал меня изнутри.

- Что с ним будет? - я всё же задала этот вопрос брату Жукова.

Он замедлил шаг, чуть заметно пожал плечами и ответил:

- Ничего серьезного. Отпустят под залог, возьмут подписку о невыезде. Скорей всего ему грозит штраф. Зависит от самочувствия потерпевшего.

- А где можно найти потерпевшего?

Брат Вадима удивленно посмотрел на меня:

- В больнице, разумеется.

Я остановилась, и моему собеседнику пришлось сделать то же самое.

- Как, в больнице? - не поверила я. - Всё настолько серьезно?

- В реанимации. - уточнил он. Я покачнулась и брат Жукова поддержал меня под локоть.

- Я думаю, всё будет хорошо. По крайней мере, я помогу, чем смогу.- пообещал он.

- Спасибо. - рассеянно пробормотала я. - А вы знаете, в какой больнице?

- Нет. Но думаю, что в дежурной.

- А вы не могли бы узнать, в какой именно?

- Зачем? - не понял он.

- Чтобы узнать, как обстоят дела. Вы же сами сказали, что всё зависит от самочувствия потерпевшего. - ответила я.

- Ладно, я уточню. - без особого энтузиазма пообещал он и двинулся дальше.

Жуков, как и обещал, ждал меня в кабинете своего брата. Когда мы вошли, он поднялся навстречу:

- Ну, как? - поинтересовался он. - Женька в порядке?

- В полном. - безо всяких эмоций ответила я.

- И что теперь? - обратился Жуков к брату.
- Ничего особенного. Он уже позвонил отцу. Как только тот внесет залог и будет подписка о невыезде, отпустят домой. - ответил тот и, кивнув в мою сторону, добавил:

- Барышня хочет знать, в какой больнице потерпевший.

Он пододвинул к себе телефон, снял трубку и потыкал в пару кнопок.

- Зачем тебе это? - спросил меня Жуков.

- Я хочу поехать туда. - заявила я. - Ты отвезешь меня?

- Да. - неуверенно произнес он. - Но для чего?

- Я должна видеть, насколько всё серьезно.

В это время брат Жукова начал беседу по телефону и я вся превратилась во внимание.

- Привет, Петрович, - поздоровался он и сразу задал конкретный четкий вопрос: - скажи, а в какой больнице сейчас потерпевший Макаровский?

Словно в записную книжку я внесла в свою память это важное слово. Ведь я до этого момента не знала фамилию Яна, а с такими скудными сведениями, какие были у меня, найти человека в большом городе было бы чрезвычайно сложно.

- Спасибо. - поблагодарил брат, попрощался и положил трубку.

- В центральной. - сообщил он мне.

- Огромное Вам спасибо. - чувствуя искреннюю благодарность, проговорила я и посмотрела на Жукова. - Это ведь недалеко?

Он вздохнул, понимая что этот вечер ещё не закончился и, подойдя к брату, обменялся с ним рукопожатием.

- Ладно, давай. Будут новости, звони.

- Хорошо. - кивнул брат.

Мы вышли из кабинета. Теперь мы поменялись ролями: это я летела, как на крыльях, а Жуков пытался от меня не отстать. На улице начинало темнеть. Ураган уже закончился. Я с удивлением заметила, что никакого дождя так и не было. Только разбросанный ветром мусор валялся на дорогах и на газонах...

- Женька тебе рассказал подробности? - полюбопытствовал Жуков, когда мы сели в машину. - Из-за чего произошла драка?

- Нет. - быстро сказала я и, в упор глядя на Жукова, спросила:

-Вы виделись с Женькой в субботу?

- Ну конечно. - не раздумывая, ответил он, в недоумении сдвинув брови.

- Чем вы занимались?

Жуков потер лоб и вздохнул. Он ответил не сразу.

- Мне не хотелось бы об этом говорить. - честно признался он. - Если Женька захочет, он сам расскажет тебе. Хотя есть вещи, которые женщинам лучше не рассказывать.

- Правда? - усмехнулась я. - И как же её зовут?

- Кого? - должна признать, недоумение Жукова выглядело вполне натуральным.

- Женькину новую пассию.

Жуков растерянно заморгал, потом вдруг как-то странно хмыкнул и рассмеялся.

- Ты чего, Сань? Откуда такие мысли? Да Женька ни о ком, кроме тебя, и знать не хочет! О чем ты вообще говоришь?

Я ещё несколько секунд пристально смотрела на него. Нет, не расколется — поняла я.

- Понимаю. - улыбнулась я. - Мужская солидарность.

Жуков перестал смеяться и внимательно посмотрел на меня:

- Нет, не может быть.. Ты что, всерьёз, что ли, допускаешь такую мысль?

- Моя подруга видела Женьку в субботу с какой-то бабой. - выложила я свою козырную карту.

- Она ошиблась. - абсолютно уверенно заявил Жуков. - Там, где в субботу были мы с Женькой, определенно не было ни одной бабы.

- Хорошо. Ошиблась, так ошиблась. - согласилась я, признавая, что затея заставить Жукова сдать друга была неудачной. Жуков покачал головой, мол, как только ты могла такое придумать и снял машину с ручника. Всю дорогу до больницы мы ехали молча и только, когда машина остановилась на парковке перед больничным зданием, Жуков попросил:

- Давай, только не долго, хорошо?

- Пойдешь со мной? - вместо ответа спросила я. Жуков молча вышел из машины.

В регистратуре сидела молодая женщина лет тридцати-тридцати пяти. Она поздоровалась с нами вполне дружелюбно, и это меня немного обнадежило.

- Мы ищем человека. - сказала я. - Он должен был поступить к вам сегодня. Его фамилия Макарский.

- А вы ему кто? - очень по-доброму, даже с улыбкой осведомилась женщина, но сам вопрос не предвещал удачи в достижении поставленной мной цели.

- Я его девушка. - не раздумывая, сказала я.
- Хорошо, сейчас посмотрю. - женщина повернулась к компьютеру, в то время как мы с Жуковым обменялись многозначительным взглядом. Я видела, что он одобрял мою сообразительность.
- Макаровский Ян? - уточнила женщина и, когда я взволнованно кивнула, сказала:
- Да, он здесь. Но, к сожалению, увидеться с ним вы не сможете. Он в реанимации, в тяжелом состоянии. Мне очень жаль.
- Что с ним? Он поправится? - дрогнувшим голосом спросила я.
- Черепно-мозговая травма. Окончательного диагноза ещё нет. Завтра утром будет доктор.
- Девушка, пожалуйста... - взмолилась я. - Можно мне хотя бы с порога взглянуть на него?

Женщина грустно улыбнулась и покачала головой:

- Это против правил. Мне очень жаль.
- Он без сознания?
- Пока да.

С поникшей головой я повернулась к выходу.

- Спасибо. До свидания. - постаралась я не забыть о вежливости.
- Ну, про «взглянуть с порога» — это уже был перебор. - улыбнулся Жуков, когда мы вышли на улицу. - Решила играть свою роль до упора? - он нахмурился, увидев мои мокрые глаза.
- Сань, ты чего? - как и большинство мужчин, его пугали женские слезы. - Не переживай ты так. Поправится этот Макаровский. Подумаешь, черепно-мозговая травма. Организм молодой, справится. И Женька уже сегодня будет дома. Скоро всё закончится. Перестань.

Я сквозь пелену слез посмотрела на него и тихо сказала:

- Ты не понимаешь. Человека искалечили. Он может умереть.
- К чему такой пессимизм? Давай, будем надеяться на лучшее.

Я вытерла слезы, забывая о косметике, и ничего не ответила. Мы сели в машину, уже начинало темнеть и на улицах зажглись фонари. Я вспомнила про Аську. Как же мне ей сказать о случившемся? Ведь он беременна, ей нельзя волноваться. Совсем ничего не говорить? Тоже не вариант. Жуков пытался отвлечь меня посторонними разговорами, но я его совсем не слышала. Наконец, машина остановилась. Вадим довез меня до самого подъезда.

- Пока. - сказала я, выйдя из машины и собираясь уже захлопнуть дверцу.

- Погоди. - остановил меня Жуков. - Ты что-то забыла. - он протянул мне полиэтиленовый пакет. И правда, я совсем забыла о спрятанном внутри этого загадочном бумажном пакете, который дала мне Аська. Я взяла пакет и постаралась улыбнуться в ответ на улыбку Жукова.

- Спасибо за всё. - поблагодарила я его. - Позвони, если будут новости.

- Конечно. - заверил меня он и, оптимистически подмигнув на прощание, нажал на газ.

Я доплелась до квартиры, открыла дверь своим ключом и, изнемогая от физической и душевной усталости, прошла в свою комнату мимо возмущенной мамы. Она отчитывала меня за то, что я весь день шатаюсь, неизвестно где. Сейчас для меня её слова были просто лишним шумом. Я закрыла дверь своей комнаты и, не зажигая свет, повалилась на диван.

Совсем совесть потеряла. - услышала я из-за двери обиженный возглас мамы. После этого воцарилась долгожданная тишина. Я лежала неподвижно, глядя в темноту и пыталась придумать, что я должна делать дальше. Мне казалось, что утро сегодняшнего дня было год назад. Было сложно поверить, что в моей такой размеренной, предсказуемой и контролируемой мной жизни за один день могло произойти всё то, что сегодня произошло. Я узнала, что мой парень меня обманывал, и мы расстались далеко не самым лучшим образом. Оба парня, между которыми я разрывалась, попали в беду и неизвестно, чем всё это закончится. Моя подруга решила принести нас обеих в жертву своей неземной любви, в итоге она выбрала путь матери одиночки, меня же оставалось назвать сукой, испортившей жизнь себе и своим близким людям. Чудесный денек, нечего сказать. Вот и подходили к концу летние каникулы. Похоже, это лето и эти каникулы я не забуду никогда... Я вспомнила об аськином загадочном пакете и решила, что вскрою его прямо сейчас. Нет, я не решила, что буду с Яном. Я попросту и не могла сейчас об этом думать. Думая о Яне, я желала только одного: чтобы он поправился. Я решила вскрыть конверт потому, что устала от загадок и недосказанности. Я и не пыталась предположить, что может быть в этом бумажном пакете, а просто зажгла свет, и когда мои глаза к нему привыкли, вынула бумажный конверт из полиэтиленового пакета и оторвала край. Когда я встряхнула конверт над письменным столом, оттуда выпал свернутый вчетверо лист бумаги, и, ударившись о край стола, отлетел и поскакал по

полу маленький грецкий орех. Я проводила его взглядом, и развернув белый лист, принялась читать написанные аськиным детским почерком не совсем ровные строчки.

"Здравствуй, Сашенька!"— так начиналось письмо. "Сейчас десять часов утра".— читала я дальше.—"И мы только что поговорили с Яном. Я давно знала, что этот разговор обязательно состоится. Ты знаешь, как я боялась потерять Яна. Но я ведь всегда знала, что это случится. Вопрос в том — когда. Это оказалось совсем не так больно и не так страшно, как я думала. И вот оно произошло. Теперь я знаю, что он любит другую. И ее нельзя не любить. Ведь речь идет о тебе. И я так счастлива, что он выбрал именно тебя. Я знаю, что с тобой ему будет хорошо.

Сашка, прости, если я делаю то, что ты считаешь неправильным, но попытайся меня понять, иначе я не могу. У меня есть три любимых человека: это ты, Ян и моя дочка. Больше всего на свете я хочу, чтобы вы были счастливы. Ян не будет счастливым без тебя, а моя дочка не должна иметь несчастного отца. Я знаю, что ты тоже будешь счастлива с Яном. Нет, ты не подумай, что я совсем забыла о Женьке. Женька хороший парень, только прости, но мне кажется, ты его не любишь. Он тебе нравится, тебе с ним удобно, тебе приятна его любовь, но на этом всё. А вот Ян... только дай ему шанс, и ты поймешь: лучше него нет никого на свете. Не злись на меня, пожалуйста, если я пишу дерзкие вещи... Вот этот орех (ты его конечно узнала) я хранила очень давно. Моя бабушка подарила мне его в семь лет. Это не простой орех. Ты, может быть, не поверишь, но он и в самом деле необычный. Он может выполнить одно желание, для этого его нужно только разбить. Я всё берегла его, ждала самого заветного желания. Но теперь, моё самое заветное желание сбылось. Поэтому я дарю орех вам с Яном. Пожалуйста, прости меня за то, что я не смогла проститься с тобой иначе. Только не пытайся найти меня. Я всегда буду помнить о тебе и о Яне, но остаться я не могу. Я должна уехать и, не только ради вас, но и ради себя и моего ребенка. Кстати, Сашенька, ты не забудешь хранить нашу тайну? Прости за сырость, но я, как ни старалась, не смогла сдержать слез. Только не думай, что я плачу оттого, что несчастна. У меня есть мой ребенок, и я не могу быть несчастной. Может быть когда-нибудь, через много лет, когда наши дети подрастут, мы встретимся снова. Кто знает? Но в одном я уверена: всё будет хорошо. Ведь всё, что ни случается — только к лучшему. Когда ты прочитаешь это письмо, меня уже не будет в городе. Но сердцем я буду всегда с тобой. Знаешь, у меня возникла одна интересная идея. Очень хотелось бы воплотить её с твоей помощью в чудесный рассказ. Напиши о женской дружбе. О такой, какая у нас с тобой. Говорят, что

существует только мужская дружба, женской же просто не бывает. Но мы-то с тобой знаем, что это – неправда! Ну вот и всё, мне пора бежать. Крепко обнимаю и целую. Твоя Аська.”

Дочитав до последней точки, я всхлипнула, судорожно вдыхая воздух. У меня не было слёз, я даже не совсем понимала, существовало ли это письмо в действительности. Словно желая проверить, не приснилось ли мне аськино послание, я отыскала закатившийся под диван орех. Всё совсем не так плохо. У меня есть чудесный орех, который я могу прямо сейчас расколоть собственным кулаком и пожелать ВСЁ ВЕРНУТЬ НАЗАД. Я внимательно разглядела орех, подбросила его на ладони, определяя что он давным давно высох изнутри, и тут меня разобрал смех. Наверное, я поняла всю нелепость этой детской фантазии. Но как символичен был этот пустой, давно истлевший орех сейчас! Вот что осталось у меня в конце концов — только высохший бесполезный орех. Я смеялась и не могла остановиться.

Прибежала мама, она ничего не могла понять и не могла меня успокоить. Она догадывалась, что причина моего состояния скрывается в белом листе бумаги, который я, как только у меня попытались его взять из рук, скомкала в тугой комок и продолжала сжимать побелевшими пальцами. Вслед за мамой в комнату вошел папа. Он что-то говорил, пытаюсь заглянуть мне в глаза, но я не понимала его слов. Испуганные родители позвали соседа – врача. Он заставил меня выпить какую-то ужасно терпкую жидкость из маленького мерного стакана и усадил на диван, заботливо прикрыв мои ноги пледом. Я уже не смеялась, теперь мне даже не хотелось двигаться, думать, слушать. Мне не хотелось ничего.

15 августа

Я словно резко вынырнула из под воды. В моё окно светило солнце, я лежала на диване, накрытая всё тем же пледом, моя левая рука продолжала сжимать комок из белой бумаги. Я резко села. Не смотря на тяжесть в голове, мои мысли были вполне ясными, я прекрасно помнила всё, что произошло вчера. Мой сотовый телефон снова пополз по столу, и я поняла, что меня разбудило. Дотянувшись до мобильного, я взглянула на экран, номер был незнакомым.

- Алло, - ответила я на звонок, даже и не пытаюсь строить каких-либо предположений.

- Это Александра? - спросил незнакомый женский голос с довольно приятным тембром.

- Да, это я. - последовал мой ответ.
- Здравствуйте. - произнес голос и, выдержав не долгую паузу, продолжал:
- Мы с вами не знакомы. Но, если вы не против, я бы хотела с вами встретиться и поговорить. Заодно и познакомимся.
- А Вы, собственно, кто? - поинтересовалась я.
- Хорошая знакомая Яна Макарского.

Такого ответа я не ожидала.

- Это интересно. - призналась я. - А где и когда Вы хотите встретиться?
- Лучше возле больницы. Вы ведь знаете больницу, в которой находится Ян?
- Да.
- Когда Вы сможете подъехать?
- Думаю, не раньше, чем через час. - сказала я. - Это не так уж и близко.
- Хорошо. Я буду Вас ждать. На скамейке возле фонтана.
- Хорошо. И всё-таки...Как я узнаю Вас?

На том конце снова возникла короткая пауза.

- Ну, если Вы не узнаете меня, тогда я догадаюсь, что это Вы. - заверил меня приятный голос и, в заключении, спросил:
- Тогда до встречи?
- До встречи. - ответила я, тут же услышав короткие гудки.

Я разгладила на своем колене аськино послание, насколько это было возможно, а потом принялась медленно и аккуратно разрывать его на мелкие кусочки. Уничтожив записку, я набрала номер Жукова, в надежде получить от него какую-нибудь свежую информацию. Он ответил на звонок почти сразу, но его голос был совсем холодным и чужим.

- Привет. - поздоровалась я и сразу решила задать интересующий меня вопрос: - Что-нибудь новое известно?

- Да. - всё с той же прохладцей в голосе сказал Жуков. - Но ничего хорошего. Женьку так и не отпустили. Залог уже не нужен. Макарский в коме. Объявились его родители, они подали заявление.

- Какие родители? - вырвался у меня глупейший вопрос.
- Вот в этом-то всё и дело. - недобро усмехнулся Жуков. - Ты знаешь, кто его родители?

- Нет. - честно призналась я, напряженно ожидая развязки.

- Его отец - известный московский журналист, а мать — актриса, которая тоже довольно-таки известна. В любом случае, Женька сейчас по уши в дерьме. Потому

что мой брат — это просто никто по сравнению с теми связями, которые есть у родителей Макарского.

- А что говорят врачи? Шансы есть? - теряя от волнения голос, пролепетала я.

- Я с врачами не разговаривал. - словно отрезал Жуков. - Но я разговаривал с Женькой. Так что теперь я в теме. И если говорить на чистоту, то, на женькином месте, поступил бы точно так же.

Теперь всё встало на свои места. Сразу нашлось объяснение этому холодному, жёсткому тону, в котором говорил со мной Жуков. Женька поведал своему другу нашу не слишком красивую историю. И сейчас я для Жукова не больше чем «обычная сука», так подло поступившая с его лучшим другом. Удивительно, как это он вообще стал со мной разговаривать.

- Не сомневаюсь. - ответила я вполне спокойно на его агрессивный, но вполне объяснимый выпад и, поблагодарив за информацию, отключила связь.

Я уже догадывалась, кем является та незнакомка с приятным голосом, назначившая мне встречу возле больницы. Можно было только строить предположения, откуда у неё мой номер телефона, и о чем она хочет со мной поговорить. Когда я думала о предстоящей встрече, я чувствовала, что немного волнуюсь и даже слегка боюсь, но всё-таки чувство любопытства было гораздо сильнее, чем все остальные ощущения. Я взглянула на часы. Половина одиннадцатого утра. Надолго же меня вырубил препарат. Я быстро умылась и отправилась на кухню, чтобы сварить себе кофе. На столе лежала записка от мамы с просьбой позвонить сразу, как только я проснусь. Нехотя я взяла телефон и набрала рабочий номер мамы. Я понимала, что у неё был повод для волнения, но начинать день с объяснений мне ужасно не хотелось. Когда мама подняла трубку и ответила, её голос был напряженным. И виной тому была конечно же я. Пришлось извиняться за своё вчерашнее поведение, но маму мои извинения словно ещё больше напугали.

- Я не знаю, что у тебя произошло. Мне не хочется на тебя давить, но всё-таки поставь себя на моё место. Что я должна думать? Ты моя дочь, и я волнуюсь за тебя.

- Не надо беспокоиться, мама. - сказала я, как можно убедительнее. - Уже всё нормально.

- Я тебе не поверю, пока не узнаю, что случилось. - заявила мама.

Я вздохнула и поняла, что мне придется что-нибудь сказать. Хотя бы маленькую часть правды.

- Мы расстались с Женькой. - сказала я без особых эмоций и дрожи в голосе. На той стороне повисло молчание.

- Не может быть. - наконец, пробормотала мама.
- Может. - заверила её я. - Но это совсем не конец света, поверь.
- Я приду сегодня пораньше. Совсем скоро. И мы поговорим, хорошо?- мама была всё так же взволнована.
- Хорошо. - ответила я, чтобы хоть как-то её успокоить.

Закончив разговор с мамой, я включила кофеварку и, чтобы не терять время, решила одеться и вообще привести себя в порядок. Взглянув на себя в зеркало, я заметила, что вчерашний день оставил-таки отпечаток на моем лице. Я была бледная, как смерть. Подкрасив глаза, я всё же решила не пользоваться румянами. Моя бледность сейчас вполне естественна. Я попыталась запудрить легкие синяки под глазами, но вдруг захлопнула косметичку и бросила её на стол. Как мне вообще могло прийти в голову взять в руки косметику? Несчастный Ян сейчас в плачевном состоянии, он может умереть в любую минуту, а я стою перед зеркалом. При мысли о Яне, я сжала губы и попыталась сдержать подступившие слезы. Сейчас не было времени на истерики. Я проглотила жутко болезненный спазм и открыла шкаф. Долго думать не имело смысла. Я просто взяла старые джинсы, первую попавшуюся футболку и быстро натянула всё это на себя. Какое мне дело, что подумает обо мне известная актриса, пусть даже она и назовёт себя матерью Яна? Я быстро налила себе кофе, бросила в него два кубика сахара, разбавила молоком и неправильно, без наслаждения, почти залпом выпила. Прихватив свою сумочку, я отправилась на встречу, течение и исход которой даже и не пыталась предвидеть.

Подходя к больничному зданию, я увидела эту женщину издали. Как и обещала, она сидела на скамейке у фонтана. Поблизости не было других людей, только по прилегающим к больничному корпусу аллеям прогуливались несколько человек, одетых в больничные халаты. Женщина тоже сразу увидела меня и встала навстречу. Она была одета как-то особенно, каждая деталь её наряда выдавала свою принадлежность к столичной моде, а кроме того к определенному сословию. Я думаю, она была лет сорока с хвостиком, но настолько ухожена и моложава, что ей никогда не посмеешь всерьез дать этот возраст. Её фигура прекрасно сохранилась и без сомнений была всё ещё очень соблазнительной для мужчин. Женщина сняла темные очки и убрала их в сумочку, как только я приблизилась. В тот же миг я

увидела перед собой человека, убитого горем.

- Александра? - спросила она, натянуто улыбнувшись.

- Да. Это я. - ответила я не сразу, растерявшись в первый момент.

- Присядем. - предложила она, жестом указывая на скамейку. Я молча села и в напряженном ожидании уставилась на её красивые ногти с шикарным маникюром. Женщина назвала своё имя и протянула мне прохладную руку.

- Очень приятно познакомиться. Я смотрела несколько фильмов с вашим участием. Вы очень талантливы. - как-то неестественно улыбнулась я, пожимая гладкую холёную руку. Я действительно узнала её, только сейчас она была совсем не такой энергичной, «звонкой» и безупречно молодой, какими всегда были её героини.

- Ах, это. - отмахнулась актриса, и было ясно, что этот жест вызван вовсе не природной скромностью. - Спасибо, но сейчас это совсем неважно. - и помолчав, задала более важный для неё вопрос:

- Вы давно знакомы с Яном?

- Нет, не очень. А что?

Женщина внимательно посмотрела на меня и вдруг сказала:

- А какие у Вас с ним отношения?

- Не понимаю. - так же внимательно глядя на нее, произнесла я. - Почему Вы задаете мне такие вопросы? Мы с Вами впервые видимся.

- Да, наверное, это странно. - согласилась актриса. - Ну, хорошо, я объясню. Я — мать Яна, и мне хотелось бы знать, при каких обстоятельствах... - тут её голос сорвался и я увидела, что ей пришлось приложить усилие, чтобы удержаться от слез. - при каких обстоятельствах случилось то, что случилось с моим сыном. Я попросила о встрече с тем... - она явно попыталась подобрать не очень хорошее слово, но решила сдержать свои эмоции — с обвиняемым, - просто сказала она. - от него я смогла узнать только одну важную вещь. Он сказал, что, якобы, Ян увёл у него девушку. На самом деле это было сказано предельно грубо, но примерный смысл был таков. Отвечать на дальнейшие вопросы он отказался даже в присутствии адвоката, но он дал мне Ваш номер телефона и сказал, что Вы можете мне всё рассказать.

«Ну, Копылов, ну, гадёныш! И сколько же в нем желчи! Даже страшно представить, какими словами он сообщил этой женщине о причине своего поступка.» - думала я, теребя застёжку на своей сумочке. Женщина в ожидании смотрела на меня.

- Увёл, значит, девушку? - усмехнулась я, бесстрашно поднимая глаза на свою собеседницу. - Разве девушка, это машина, чтобы её уводить?

- Ну, это были мои слова. Я никогда не смогла бы повторить то, что услышала тогда.

- уточнила она. Я слегка поерзала, догадываясь в каком тоне и в каких выражениях мог сейчас отзываться обо мне бывший парень, но всё-таки решила быть честной.

- Не знаю, станет ли кому-то от этого легче, - сказала я. - но та самая девушка сидит перед Вами.

- Вот, значит, как. - тонкие брови женщины слегка приподнялись, и губы немного приоткрылись. Её взгляд как-то изменился. Она словно оценивала меня, пытаясь понять, из-за кого и чего её сын лежит сейчас в окружении капельниц и проводов.

- Только Ян ни в чём не виноват. Он ни к чему меня не принуждал. - добавила я. В глазах женщины всё-таки появились слёзы. Она вынула из сумочки бумажный платок и промокнула им уголки глаз.

- А теперь он умирает. - чуть слышно прошептала она. - Ты, твой бывший парень, все мы живём, а Ян умирает. Боже, я не могу в это поверить!- она покачала головой и крупные слёзы покатились по её щекам. В её голубых глазах было столько страдания, что моё сердце заныло. Мне ужасно хотелось разрыдаться прямо здесь, прямо сейчас, но моё тело и все мои рефлексy словно на время отключили. Меня так поразила глубина чужого горя, что все мои личные переживания растворились в этом необъятном отчаянье, что я читала сейчас в чужих глазах.

- Возьмите себя в руки. - произнесла я, наконец, слегка охрипшим от волнения голосом. - Если бы наши слёзы могли творить чудеса, врачи были бы не нужны. Ведь Ян жив, и я верю, что он поправится. Надо верить!

Женщина подняла на меня мутные от слёз глаза:

- О-о, - как-то странно протянула она, и было не понятно, стон это или удивление.

- Ян даже не дышит сам. Его жизнь только поддерживается аппаратурой. Даже если случится чудо, и он выживет, он на всю жизнь останется инвалидом. - горько проговорила безутешная мать. - Где тогда будет твоя любовь? И есть ли она уже сейчас?- её испытующий взгляд мгновенно приобрел жёсткость и словно припёр меня к стенке. Только сейчас, услышав этот страшный приговор, я поняла всю трагичность и безысходность случившегося. Мне стало страшно.

- Разве нет надежды? - чуть слышно пролепетала я.

- Надежда! Как легко говоришь ты об этом. А ведь это ты виновата в том, что случилось! - это было прямое обвинение и впервые в своей жизни я не могла защищаться. Да и что может переубедить убитую горем мать? Не в силах больше выносить её слова и слёзы, я закрыла лицо руками. Внезапно я почувствовала, как меня приобняли за плечи.

- Прости меня, девочка. - с мольбой в голосе произнесла женщина. - Я не должна была так говорить. Это я, я сама во всем виновата. Бог наказывает меня теперь.

- Ну почему? - выдавила я из себя. - Почему кто-то обязательно должен быть виноват?

- Но это правда. - с непроходящей горечью продолжала она. - Для матери, которая бросает своего ребенка, нет прощения.

Я подняла на неё непонимающий взгляд:

- Но Вы же наоборот взяли себе брошенного ребенка.

Женщина вздрогнула и отодвинулась от меня.

- Ян рассказывал о том, что три года провёл в детском доме? - уточнила она. Её лицо было сосредоточенным и серьезным, слезы словно высохли.

- Он рассказывал о приёмных родителях. Только хорошее. И переживал, что оказался плохим сыном.

- Плохим сыном? - поразились она и её глаза широко раскрылись. - Он самый лучший сын, какого только может желать себе любая мать! - воскликнула она и, чуть помедлив, добавила: - Я должна была рассказать ему правду, но я так боялась, что он возненавидит меня. - женщина заглянула мне в глаза и вдруг сказала: - Мне невыносимо больше жить с этим грузом. Это была всего лишь ошибка молодости, в конце концов я изо всех сил пыталась её исправить!

- О чем Вы говорите? - не поняла я. И тут её прорвало:

- Я не приемная мать Яна, я его родная мать. Только когда он родился, в моей жизни был полный хаос. Я как раз собиралась уходить от мужа, потому что поняла, что не люблю его. У меня намечалась карьера. А муж ещё заявил, что будет бороться за сына. Всё произошло так стремительно, и сейчас я не понимаю, как я могла тогда поступить именно так, как я поступила. После развода я просто оставила ребенка отцу, а сама уехала в Москву, где с головой ушла в работу. Меня полностью захватила моя карьера. Одновременно с этим я встретила свою любовь, своего второго мужа. Ещё до нашей свадьбы выяснилось, что мой второй муж детей не хочет. Он говорил, что не сможет быть хорошим отцом. Зачем ребенку такие родители, которых он почти не видит? Мы были постоянно в разъездах. Я всё время хотела рассказать о Яне, но всё никак не решалась. Я ничего не знала, честное слово, - пытаюсь оправдаться неизвестно перед кем, говорила она. - Я не знала, что мой бывший муж начал пить, что его лишили родительских прав, а ребенка определили в детский дом. Я даже и представить себе такого не могла! Мне казалось, что оставляя у себя ребенка, мой бывший муж понимал всю ту

ответственность, какая возлагалась на него. Теперь я знаю, что ребенок был ему не нужен, он просто надеялся вернуть меня. Он пытался шантажировать меня сыном, не позволяя мне встречаться с ним, а когда понял, что к нему я уже не вернусь, исчез вместе с ребенком, не оставив следов. Прошло несколько лет, прежде чем мне стало известно о том, что мой бывший муж превратился в алкоголика, и его лишили родительских прав. Он даже не сообщил никому о моём существовании, сказав, что я умерла. - в её глазах снова стояли слезы, она нервно теребила в руках бумажную салфетку.

- Как только я узнала, что мой ребенок в детском доме, - продолжала актриса. - я приняла решение забрать его. Пришлось рассказать обо всём второму мужу. Сначала он и слышать не хотел о моём ребенке. Но теперь мой выбор был однозначен. Я готова была потерять мужа ради ребенка. Когда муж это понял, он, после долгих размышлений, согласился принять Яна в нашу семью. Вместе с тем мы приняли решение сохранить в тайне мою с Яном кровную связь. Мальчик был уже большой, и я ужасно боялась, что он оттолкнет и возненавидит меня. Почти целый год длился процесс усыновления. А мне так хотелось поскорее забрать Яна оттуда. Когда это, наконец, случилось, мальчик был так счастлив, что у него теперь есть родители. И я надеялась, что смогу искупить свою вину. - женщина тяжело вздохнула и отвела взгляд в даль тенистых аллей:

- Но видно, мой поступок нельзя простить. Иначе, как ещё объяснить столь жестокое наказание?

Она умолкла, и мне показалось, умолкло всё вокруг. Вся эта нелепая история, так похожая на сырой сценарий какой-то дешевой мыльной оперы, не укладывалась у меня в голове. «А может, она придумала всё это? Что ей стоит? Она же актриса.» - подумала я, но это тоже было совсем не логично. «Зачем ей это нужно? И почему вообще она рассказала всё это мне?»

- Мы увезём Яна в Америку. - вдруг сказала она. - Там его прооперируют. По крайней мере, в этом случае у нас будет надежда.

- В Америку? - не поверила я. - Но как? Разве это не опасно, перевозить его в таком состоянии?

- Сейчас не каменный век. - грустно улыбнулась несчастная мать и мне показалась, что она уже забыла, о чём только что рассказала.

- Но почему не в Москву? Разве в Москве нет хороших врачей?

- Хорошие врачи есть и в Москве. - согласилась она. - Только мы всё-равно собирались уезжать.

- Вы... будете держать меня в курсе событий? - неуверенно спросила я.
- Зачем тебе это? - не вполне искренне удивилась казалась бы хорошая актриса. - Ты такая молодая, красивая. Вся жизнь впереди.

Меня разозлили её слова.

- Зачем Вы так говорите?!

Она удивленно повела черной бровью:

- Но ты даже не сказала, что любишь его.

И снова слова. Как же важны они для людей.

- Я люблю его. - проговорила я, глядя в её голубые, уже совсем спокойные глаза.

- Ну, хорошо. - сказала она. - Я позвоню тебе. - с этими словами она поднялась и протянула мне руку. Сейчас её рука была тёплой и мягкой.

- Спасибо, что согласилась встретиться. - поблагодарила она и добавила: - Но мне уже пора. Береги себя. До свидания.

- До свидания. - ответила я, догадываясь, что больше никогда не увижу эту женщину наяву. Она повернулась ко мне спиной и пошла, не оглядываясь, в сторону больничного корпуса. Её плечи были расправлены, каблуки стучали громко и отчетливо. Даже в несчастье она держала осанку.

Я побрела к выходу, абсолютно чётко понимая, что ЭТА история заканчивается здесь и сейчас. Остановившись возле выхода, я коротко оглянулась на больничные окна, словно надеясь увидеть в одном из них Яна, и, закусив губу, быстро вышла через больничные ворота. Вот и всё. Казалось, жизнь должна остановиться. Но на деревьях продолжали щебетать птицы, крутятся на скрипучей карусели весело смеялись и визжали дети, у ларька с фруктами покупательница ругалась с торговкой, мимо неслись машины, звенели трамваи, и солнце дарило городу последние теплые лучи уходящего лета. И надо было как-то жить дальше. И я с удивлением поняла, что живу.

Послесловие

С тех пор прошло четыре года. В моей личной жизни полная тишина. И хотя меня окружает достаточно много мужчин, ни один из них не добрался до моего сердца. Я посвятила себя работе. Я — фотограф в одном рекламном агентстве, и работа занимает всё моё свободное время. Мать Яна так и не позвонила. Наверное, они уехали в Америку. О судьбе Яна мне ничего неизвестно, но я всегда думаю, что он жив, и мы всё-равно когда-нибудь встретимся. Женька так и не был осужден. Я не

знаю подробностей, потому что после нашего разговора в участке мы больше никогда с ним не общались. Но я видела его однажды издали с симпатичной девушкой. Позже, как я случайно узнала, он женился и вместе с женой уехал из нашего города. Аська так и исчезла из моей жизни, но я надеюсь, что обязательно найду её. Может быть, мне поможет этот рассказ. Я всё-таки написала о женской дружбе. По сути, это мой единственный и последний рассказ, потому что я не умею писать. Спасибо тебе, Асенька, за то, что ты верила в меня, но я всегда была плохой писательницей и, к сожалению, оказалась для тебя плохой подругой. Я не ставила для себя целью написать красивый правильный текст, я только хотела написать то, что может быть. То, что на самом деле было. Из всех твоих пожеланий, я смогла выполнить только одно, да и его я выполнила не так, как хотелось тебе. Прости меня и за это тоже.